

БРЭМ СТОКЕР

Змеиный перевал

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Брэм Стокер

Змеиный перевал

«Издательство К.Тублина»

1890

УДК 821.111
ББК 84.4 (Англ.)

Стокер Б.

Змеиный перевал / Б. Стокер — «Издательство К.Тублина»,
1890

ISBN 978-5-8370-0846-7

Брэм Стокер (1847–1912) – классик английской литературы, его роман «Дракула» дал жизнь одному из самых мощных культурных мифов нового времени. «Змеиный перевал» переведен на русский язык впервые – здесь, как и в других книгах мастера, история всепоглощающей любви разворачивается на фоне мрачных, мистических и полных загадок событий. Суровые пейзажи Северной Ирландии создают подходящие декорации таинственному и завораживающему действию.

УДК 821.111
ББК 84.4 (Англ.)

ISBN 978-5-8370-0846-7

© Стокер Б., 1890
© Издательство К.Тублина, 1890

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	26
Глава V	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Брэм Стокер

Змеиный перевал

Глава I

Внезапная буря

Между двумя огромными серо-зелеными горами, между суровыми скалами и изумрудными кронами деревьев пролегла долина – узкая, словно ущелье, протянулась она на запад, к морю. Здесь едва хватало места для дороги, наполовину прорезанной в камне. Она шла вдоль узкой полосы темного озера невероятной глубины, под сенью нависающих утесов. По мере того как долина расширялась, по сторонам вздымались крутые склоны, а озеро превращалось в бурный пенный поток, разделявшийся на крошечные запруды и озера на относительно ровных участках берегов. Ступенчатые уступы гор время от времени были отмечены следами цивилизации среди пустынных просторов: группы деревьев, коттеджи и небольшие, обнесенные каменными оградами поля произвольной формы, черные груды торфа, припасенного к зиме. А вдали начиналось море – точнее, величественная Атлантика с диким извилистым берегом и мириадами мелких скалистых архипелагов. Темно-синие воды и неясный горизонт, озаренный бледным свечением, а у самого берега тут и там вздымались пенные валы, различимые в разрывах скал, о которые разбивались ритмично накатывающие волны, то и дело проглатывающие участки песчаного пляжа.

Меня поразило небо – оно затмило все прежние воспоминания о красоте небес, хотя я как раз прибыл с юга и был буквально околдован итальянскими вечерами, когда темная синева небес постепенно обретала бархатистую черноту соловьиных ночей, а голоса птиц гармонировали с богатством цветовых оттенков и вместе они создавали единую атмосферу.

Вся западная часть неба представляла собой великолепие пурпура и темного золота, обрамленное массами штормовых туч, громоздившихся ввысь и припадавших к морю, словно на них навалился невыносимый груз. Фиолетовые тучи к центру становились почти черными, а их внешние края были чуть подсвечены золотистыми тонами. Между ними сверкали бледно-желтые, шафрановые и пламенно-алые перистые облака, ловившие сияние заката и отбрасывающие отсветы на небо к востоку.

Никогда прежде мне не доводилось видеть столь прекрасный пейзаж, а поскольку я привык к пасторальным равнинам и лугам во время визитов в ухоженное имение моей двоюродной бабушки в Южной Англии, новые впечатления совершенно захватили меня и взволновали воображение. За все полугодовое путешествие по Европе, которое только что завершилось, я не оказывался среди подобных ландшафтов.

Море, земля и воздух демонстрировали торжество природы, говорили о ее диком величии и красоте. Воздух вокруг был почти недвижим – но в этом покое чудилось нечто злое, зловещее. Подобная тишина, всеобъемлющая и таинственная, создавала напряжение, предвещала перемены, надвигавшиеся издалека – со стороны великой Атлантики, накатывавшей волны на скалы и заполнявшей полости между ними.

Даже мой кучер Энди внезапно замолчал. До сих пор, на протяжении сорока миль пути, он не умолкал, излагая мне свои взгляды на жизнь. Он делился приобретенным опытом, снабжал бесконечными сведениями о регионе, о нравах и обычаях местных жителей. На меня обрушивался каскад имен, подробностей чьих-то биографий, романов, надежд и опасений – всего, что составляло круг интересов и занятий этой провинции.

Ни один цирюльник – а ведь именно представителей этой профессии принято считать образцами неумолчного красноречия – не смог бы превзойти ирландского возницу, одаренного самой природой особым ораторским талантом. Не было пределов его способностям черпать вдохновение в любой детали пейзажа и превращать ее в источник новой темы, которую удавалось развивать вплоть до появления нового повода и нового фонтана сюжетов.

Впрочем, я был только рад «блестящему дару молчания», внезапно поразившему Энди посреди изменившегося ландшафта, так как я желал не только упиваться величием и необычностью всего, что открывалось теперь моему взору, но и понять во всей полноте те глубокие и незнакомые мне прежде мысли и чувства, что вызревали в душе. Возможно, все дело было в грандиозности пейзажа, а может, сыграла свою роль атмосфера надвигавшейся июльской грозы, но я ощущал непривычную экзальтацию, странным образом сочетавшуюся с обостренным чувством реальности окружающих меня объектов. Как будто в открытую к Атлантике долину шла не просто гряда грозовых туч, но иная, новая жизнь, обладавшая властью и полнотой, прежде мне не ведомыми.

Я словно очнулся от долгого сна. Мой заграничный вояж постепенно сокрушил прежние неопределенные представления о жизни, а ощущавшаяся в воздухе буря казалась предвестием радикальных перемен в моей жизни. На фоне дикой естественной красоты и величия ландшафта я с невероятной остротой осознавал свое пробуждение, впервые воспринимая окружающий мир столь реальным и могучим.

До сих пор вся моя жизнь текла по инерции, я был слишком молод, мне не хватало знаний о мире – должно быть, в этом я не слишком отличался от сверстников. Я поздно расстался с детством и мальчишескими забавами и интересами, не спешил взрослеть, да и сейчас еще не до конца понимал свое новое положение. Я впервые оказался вдали от дел и обязательств – по-настоящему свободный от забот, вольный в своем выборе и занятиях.

Я был воспитан исключительно традиционно и спокойно, попечением старого священника и его жены. Мы жили на западе Англии, и, помимо моих товарищей по учебе, число которых никогда не превышало одновременно одного мальчика, я почти не имел знакомств. Круг моего общения был необычайно узок. Я считался воспитанником двоюродной бабушки – богатой и эксцентричной дамы твердых и бескомпромиссных убеждений. Когда мои родители сгинули в море, оставив меня, единственного их ребенка, совершенно без средств к существованию, бабушка решила оплатить мое обучение и обеспечить меня профессией, к которой я смогу проявить должные способности. Родственники отца отвергли его категорически после брака с моей матерью из-за ее слишком низкого, на их взгляд, происхождения, и я слышал, что молодой чете пришлось пережить тяжелые времена. Когда их судно, пересекавшее Ла-Манш, пропало в тумане, я был еще совсем мал, и горечь утраты сделала меня еще более нелюдимым и сумрачным, чем я и так был по природе. Поскольку я не создавал проблем окружающим и не проявлял особого беспокойства или неудовольствия, двоюродная бабушка сочла, что мне хорошо там, где я оказался. По мере того как я подрастал, иллюзия того, что я являюсь учеником, рассеивалась, а старого священника все чаще называли моим опекуном, а не учителем. Я прожил рядом с ним те годы, которые молодые люди с более достойным положением в обществе проводят в колледже. Формальное изменение статуса не означало реальных перемен в моем образе жизни, но с годами меня стали обучать стрельбе и верховой езде, а также другим навыкам, считавшимся необходимыми для сельского джентльмена. Сомневаюсь, что у моего опекуна было на этот счет некое секретное соглашение с бабушкой, но он был предельно сдержан и никогда не показывал чувств по отношению ко мне. Каждый год меня отправляли к бабушке «на каникулы» в очаровательное имение. Старая дама демонстрировала суровость нрава и безупречность манер, а слуги обращались со мной почтительно, но с явной симпатией. В доме бабушки появлялись мои кузены и кузины, но ни с кем из них у меня не возникло сер-

дечной привязанности. Вероятно, в том была моя вина или промах – я ведь был очень застенчив, – но в их обществе я всегда чувствовал себя чужаком.

Теперь я понимаю, что их отношение ко мне во многом определялось подозрительностью, и не случайной. Почувствовав приближение смерти, старая дама, столь суровая ко мне на протяжении всех лет моей жизни, послала именно за мной, взяла за руку и проговорила с трудом, едва переводя дыхание:

– Артур, надеюсь, я не ошибалась, удерживая тебя на расстоянии. Жизнь может обернуться к тебе и доброй и дурной стороной, принести счастье и несчастье, но, может статься, ты обретешь много радости там, где не рассчитываешь ее найти. Я знаю, мальчик мой, что твое детство не было веселым, но поверь: я очень любила твоего отца – как сына, которого у меня никогда не было. И я слишком поздно поняла, как была неправа, отвергая его. От всей души я желаю, чтобы твои зрелые годы оказались более счастливыми и благополучными.

Она не в силах была ничего добавить. Глаза ее закрылись, а рука все еще крепко сжимала мое запястье. Я боялся убрать руку, потревожить ее этим жестом, но постепенно пальцы бабушки разжались, и только тут я понял, что она умерла. Прежде я не видел мертвецов, и это событие произвело на меня огромное впечатление. Однако юность обладает гибкостью и особым даром справляться с несчастьями. Кроме того, я не успел по-настоящему привязаться к бабушке, мы не были близки душевно.

Когда прочитали завещание, выяснилось, что я – наследник всего ее состояния, что автоматически делало меня одним из крупнейших землевладельцев графства. Мне трудно было сразу принять новое положение в силу застенчивости, и потому возникла идея отправиться на несколько месяцев в путешествие. По возвращении из полугодового вояжа я с радостью встретил друзей, которых приобрел за это время, и посвятил некоторое время визитам. Среди прочих получил я и приглашение побывать в графстве Клэр в Ирландии.

Я мог поступать как вздумается, а потому решил, что могу уделить неделю-другую такой поездке и расширить представление об Ирландии, по дороге заехав в западные графства и осмотрев некоторые достопримечательности. К тому времени я уже научился получать удовольствие от своего нового статуса. С каждым днем мир открывался мне в новом свете и дарил нечто любопытное и увлекательное. Вероятно, план моей бабушки увенчался успехом, и скромные условия в детстве лишь усиливали яркость и значительность перемен.

А теперь нахлынуло ощущение грядущих изменений внутри меня самого, и внезапность этого ощущения напоминала первые проблески зари, пробивающиеся сквозь утренний туман. Мне хотелось навсегда запомнить этот момент – во всей его полноте и свежести, а потому я жадно всматривался в детали пейзажа и впитывал малейшие впечатления. Центральным образом был мыс справа, на который падали косые лучи солнца. Я сосредоточился на этой картине, но тут меня отвлекло замечание, обращенное не лично ко мне, а куда-то в пространство:

– Ух ты! Да он скоро грянет!

– Что грянет? – переспросил я.

– Да шторм! Не видите разве, вона тамочки облака набрякли? Так и несутся прям сюда! Чес-слово! Еще пару минут тама были, а вот уже точ-утки летят.

Я не придал словам кучера большого значения, мысли мои все еще витали в других сферах, а внимание было поглощено красотой. Мы быстро спускались по долине, и постепенно мыс обретал все более выразительные очертания, напоминая округлую гору благородных пропорций.

– Скажи мне, Энди, как называется вон та гора? – поинтересовался я.

– Это которая? Вона та впереди? Ну, тута ее зовут Шлинаанаэр.

– Значит, гора Шлинаанаэр, – повторил я за ним.

– Ну, ващце-та нет, сама гора – Ноккалтекropp, если по-ирландски.

– И что это означает?

– Ну, эта, если перевести, будет вроде «потерянная золотая корона».

– А что тогда Шлинаанаэр, Энди?

– По правде говоря, это такая впадина между скалами вона там, ее и надо звать Шлинаанаэр.

– А это как перевести? Это ведь тоже по-ирландски? – уточнил я.

– Этта вы в точку! По-ирландски, как же еще? А переведешь – выйдет «змеиный перевал».

– В самом деле? А не знаешь ли ты, почему это место так называется?

– Ну, ва щеще-та не зря то место так прозвали, эт-верно. Вы подождите – доберемся до Джерри Сканлана или Бата Мойнахана тама в Карнаклифе! Вот они-та все знают про легенды и всяческие истории, так уж наплетут, как соберутся, заслушаешься. Вам их истории понравятся, уж поверьте! Ух ты! Ну вот точно как щас грянет! Уже близко!

И правда, шторм надвигался стремительно. Стало ясно, что через несколько мгновений гроза грянет в самой долине – и таинственная тишина сменится ревом стихии, а небо над нами потемнеет, затянутое тучами, и прольется ливнем. Внезапно, словно прорвало водопроводную трубу, на нас обрушились потоки дождя, промочив до нитки прежде, чем я успел закутаться в макинтош. Кобыла сперва испугалась, но Энди твердой рукой удержал ее, а потом приободрил несколькими словами, так что лошадь пошла ровно и споро, как и прежде, только вздрагивала слегка и фыркала при вспышках молний и раскатах грома.

Размах грозы соответствовал величию пейзажа. В яростных проблесках молний, вспарывавших небо, горы представляли потусторонними черными тенями, сверкавшими в струях воды. Свирепый гром прокатывался над нашими головами и постепенно затихал, разбиваясь о стены горы и отзываясь многократным эхом где-то вдали, напоминая перезвон старых, дребезжащих колоколов.

Мы мчались сквозь надвигающийся с моря шторм, возница погонял лошадь, не было надежды, что гроза вскоре закончится. Энди был слишком поглощен делом, чтобы говорить, а я сосредоточился на угрожающе раскачивавшемся экипаже, пытаюсь не потерять в порывах ветра ни шляпу, ни макинтош, кутаясь, насколько было возможно, от ледяных ударов ливня. Казалось, Энди совершенно равнодушен к физическим неудобствам. Он лишь поднял воротник, и только. Он был мокрый насквозь, по спине его стекали струи дождя. Впрочем, едва ли я в своих попытках укрыться промок меньше, чем он. Разница была лишь в том, что я ежилась и тщетно суеился, а он принимал стихию такой, какая она есть, не проявляя тревоги.

Когда мы выбрались на длинный прямой отрезок довольно ровной дороги, он обернулся ко мне и заметил:

– М-да, ничего хорошего, коли придется вот так скакать всю дорогу до Карнаклифа! Вона какая буря – скока часов можа продлиться! Знаю я эти горы при северном ветрище. Можа, нам лучшее будет убежище поискать?

– Да, разумеется, – сказал я. – Попытайся отыскать поскорее подходящее укрытие!

– Есть тут местечко рядом, как грится, кров давы Келлиган на перекрестке с дорогой на Гленнашау-глин. Вполне сойдет. А ну поживей! – прикрикнул он на лошадь, поторапливая ее вожжами. – Поспешим-ка мы к даве Келлиган.

Казалось, кобыла понимала его слова и разделяла желания, поскольку она припустила еще быстрее вниз, к боковой дороге, уводившей влево от нашего пути. Через несколько минут мы оказались на перекрестке и увидели впереди «кров давы Келлиган» – низкий выбеленный тростниковый дом-мазанку в глубокой ложине между высокими склонами к юго-западу от перекрестка. Наконец Энди притормозил, спрыгнул на землю и поспешил к двери.

– У меня тут чудной джентман, дава. Ты уж позаботься о нем! – крикнул он, и я выбрался из экипажа и прошел в дом.

Не успел я и дверь закрыть за собой, как Энди взялся распрягать лошадь, чтобы поставить ее в убогую покосившуюся конюшню позади дома, напротив высокого утеса.

Надвигающаяся буря собрала под скромным, но гостеприимным кровом вдовы Келлиган весьма причудливую компанию путников. В камине жарко горел торф, а вокруг стояло, сидело и лежало не менее дюжины человек, мужчин и женщин. Комната была велика, а очаг широк, так что все смогли найти удачное место. Потолок почернел от копоти, тут и там из него торчали пучки старой соломы и тростника, по углам бродили петухи и куры. Над огнем на проволочном крюке висел вместительный котелок, от которого исходил аппетитный аромат; в целом в комнате пахло жареной сельдью и виски-пуншем.

Когда я вошел, все встали и приветствовали меня, предложив теплое место у очага. Прием был настолько искренним, что я рассыпался в благодарностях. Вскоре в комнату через заднюю дверь ввалился Энди с неизменным своим «Бо-о-ох всем в помощь!». Я на мгновение смутился, но немедленно выяснилось, что он здесь всем хорошо знаком – в ответ раздался радостный хор возгласов. Он тоже устроился у огня, захватив с собой большую чашу пунша – мне дали такую же. Энди не стал попусту тратить время и отхлебнул щедрую порцию согревающего напитка. Я последовал его примеру – честно говоря, если он получил от пунша большее удовольствие, чем я, то это были просто счастливейшие мгновения его жизни. Настроение наше сразу улучшилось.

– Ура, мы, глянь-ка, в самый раз подспели! – заявил он. – Мамаша, селедка готова? Чую, запах-то самый смак, или чувства меня обманывают – или там картофаном пахнет! Вот везуха нам так везуха! Лучше селедки тока селедка с картофаном.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я.

– О, они тута селедку закладывают печься с картофаном, как в чехол, тута самый смак выходит! Уж мне-то верьте.

Стали собирать ужин. Большую корзину для картофеля вместимостью не менее двухсот фунтов перевернули вверх дном, с огня сняли горшок с печевом и водрузили на корзину. Внутри оказалась горячая, источавшая соблазнительный запах и пар картошка. Достали из шкафа крупную соль. Каждому из присутствующих дали по куску селедки на куске хлеба. Вот и вся трапеза.

Не было ни тарелок, ни ножей, ни ложек или вилок, обходились без церемоний, но не суетились, не жадничали – подхватывали руками горячую картошку, степенно, с видимым удовольствием откусывали от своей порции сельди. Редко доводилось мне участвовать в более сердечном и приятном застолье – да и простая еда показалась отменно вкусной. Идеально запеченная картошка, которую макали в соль, очистив край, сочная селедка.

Пока мы ели, прибыло еще несколько путников, застигнутых бурей; они уверяли, что просвета пока не видно. Впрочем, мы не нуждались в их подтверждении, так как завывание ветра и яростный стук дождя по крыше говорили сами за себя. После ужина корзину поставили на место, и мы все снова собрались у очага. Кое-кто извлек из сумок дудки – щедро льющийся пунш побуждал к веселью, разговор стал всеобщим. Конечно, как чужак, я привлек немало внимания со стороны местных жителей. Энди помогал разуться, что представлялось мне интересным, поясняя то и это, и мое желание прислушиваться к его словам явно поднимало авторитет возницы в глазах остальных. После пригоршни бак, анекдотов и шуток он заметил:

– Господин вона спрашивал меня как раз перед бурей, почто Шлинанаэр так зовется. А я ему и говорю: ну, никто лучшее не расскажет, чем Джерри Сканлан или Бат Мойнахан, а тута, погляди, оба явились на огонек! Ну-ка, парни, давайте потешим джентльмена – чего вы там знаете из ваших сторий про гору, а?

– Да со всем моим удовольствием, – отозвался Джерри Сканлан, высокий мужчина средних лет с узким, длинным, чисто выбритым лицом и насмешливыми глазами; его воротник был высоко поднят, так что казалось, что голова утопает в одежде. – Чего уж там, скажу вам, что

когда слышал от других. Дело такое – есть тутa льяйгенда или стория, чес-слово! Тутa полно льяйгенд и сторий, слов на все не хватит! Мамаша Келлиган, давай плесни мне стаканчик, чтоб глотка не пересохла от слов – всухую не скажешь! А вот вы мне, сэр, скажите пока: как там члинам парлименту наливают, чтоб говорили лучшее?

Я отрицательно покачал головой.

– Эх! Вот оно как! Поди, наливали бы, так эти члины в своем парлименте законы получшее делали бы. Спасибо тебе, мамаша Келлиган, у тебя не засохнешь! Так вот – про льяйгенду о Шлинанаэр...

Глава II

Потерянная золотая корона

– Ну, стал быть, в древние времена, прежде чем святой Патрик прогнал драконов с Ирландии, та гора слыла важным местом. Толкуют, что жил тама тока сам Змеиный Король. В тамошние дни на верхушке горы чуток от озера, где деревья и осока сплошняком и повсюду, тама Змеиный Король и гнездо учинил – или как тама змеиный дом называть-то надобна. Слава господу, но с нас-то никто их не знавал, вовсе не знавал – святой Патрик всех их к рукам прибрал!

Тут старик, сидевший в углу за очагом, подал голос:

– Точняк! Тама озеро тихущее стало, а в наши-то дни и усохло, и деревьев-то и нету.

– Ну так вот, – продолжил Джерри, явно не слишком довольный вторжением в его повествование. – Змеиный Король был ужасно важный. Он был разов в десяток большее, чем любая змеюка, какую тока людские глаза видали, и носил он золотую корону на макушке, корону со здоровущим камнем дорогим. И камень тот прямо вот свет ловил – будь то от луны или от солнца. А змеюки ему тащили еду, и когда холод или тьма, то соберутся все и на камень тот смотрят, как выйдет Змеиный Король и ест. А опосля он к себе в гнездо вертался. И говорят, что если две змеюки про что сцепятся и свара у них, так они сразу к Королю ползут, а он решает, как их замирить: кому где жить, кому как дела делать. Все им скажет. И каждый год они тащили к нему живого дитенка малого. Говорят, он ждал, как луна наберет всю силу и закруглится, и тут слышали все дикий вопль, так что каждая душа, на мили кругом бывшая, содрогалась. А потом раз – и могильная тишина, и облака набегали на луну, и дня три никто луну и не видал опосля того.

– Ох ты, господи! – прошептала одна из женщин. – Жуть-то какая! – И она тихо простонала что-то, раскачиваясь туда-сюда, словно это движение успокаивало ее.

– И что же: никто ничего сделать не мог? – мрачно сверкнув глазами, спросил крепкий молодой парень в оранжево-зеленом свитере Кельтского спортклуба.

– Эвона! А чего тута поделаешь? Да и ваще – кто видал Змеиноного Короля!

– Тогда откуда о нем узнали? – недоверчиво уточнил парень.

– Да разве ж каждый год не утаскивал кто-то у них по дитенку? Но, как ни толкуй, все давно минуло! Говорят, одна женщина, которая дитенка потеряла, на самую верхушку горы побежала, но кто слышал, чего там она видала. Когда ее тама отыскиали, она сделалась точно лунатик какой – седая стала, глаза как у мертвяка. А назавтра в кровати глядят – она померла, и черная отметина на шее, как у удушенника, тока в форме змеи. Ну, стока все страха натерпелись, горевали, и когда уж святой Патрик взял змеюк энтих в свои руки, то по всей земле от них чисто стало. И не видывали ни до той поры, ни опосля, чтобы столько змеищ извивалось и ползало, а потом раз – и нет их!

Тут рассказчик драматически представил всем телом, как извивались и ползли обреченные змеи, так что и руки, и ноги его стали повторять волнообразные змеиные движения.

– Все они уползли на запад, к энтот самой горе. С севера, и с юга, и с востока, мильёны, и тыщи, и сотни – им святой Патрик велел пойти, но место не называл, а сам-то он встал на верхушке горы Брендон, и облачение надел, как положено у святых отцов, и крест в руке. А под ним змеюки ползают. И тута он говорит себе: «Надо присмотреть за ними». И пошел с горы и внутрь горы, а тама глянь – они ползут к горе, что зовут Ноккалтекрор. А к тому-то часу сползли они со всей Ирландии, и все они тама вокруг горы, а головы задрали вверх и к горе, а хвостами к святому, так что змеюки-то его и не видали. И все как зашипят страшно, раз, два, три! И как третий раз прошипели, является Змеиный Король на верхушке горы, и корона золотая на нем блестит. А было время урожая, и луна на подъеме, а солнце вот-вот закатится,

и его большущий камень забрал в себя и свет луны, и свет солнца, и прям весь сверкает – так ярко, что даже в Ленстере народ и по всей земле видал сверкание, как от пожара. А как святой его увидал, он прям вскипел, и стал расти – большее и большее, и как поднимет крест – и на запад им указал, и говорит – а голос точно буря: «Я говорю всем змеям! Изыдите!» – так вот и сказал.

И в то же мгновение, одним махом, с одним шипением – прям как водопад грохочет – все те змеюки от горы в сторону и поползли, да быстро-быстро, точно пламя им хвосты прижигает. И так-то их много было, что растянулись они до острова Кушин и покрыли всю землю телами. И так ползли и ползли, пока не добрались до Атлантики. Но до Америки не доплыли – говорят, там их никто не видал. Так и сгинули! Но стока змей было, что, говорят, весь белый песок на побережье – от Бласкета до Ахилл-хед – то всё их кости.

Тут в рассказ вмешался Энди:

– Но, Джерри, ты ж нам не сказал, а Змеиный Король с ними ушел?

– Ха! Тороплив ты больно! Как я тебе скажу, ляйгенда-то не закончилась! Зато рот пересох, язык не ворочается – налейте-ка мне пуншу.

Он перевернул чашку вверх дном и поставил перед собой на стол, комически закатывая глаза в наигранном сокрушении. Миссис Келлиган поняла намек и поспешила налить ему новую порцию, так что вскоре Джерри продолжил повествование:

– Ну вот. Когда змеюки купаться отправились и просушиться забыли, старый Змеиный Король ушел в глубь озера, а святой Патрик закатил глаза и говорит себе: «Ох, то ли сон мне снится? То ли он посмеяться надо мною задумал? Он мне чего тут устроил?» Смотрит туда-сюда, а следов Змеиноного Короля не видал. Тут он поднимает крест и громким голосом говорит: «Эй! Ты! Иди сюда! Я хочу увидеть тебя!» – на этих словах Джерри изобразил пантомиму, представляя святого Патрика, а затем продолжил разыгрывать целый спектакль-диалог между святым и Змеиным Королем. – Ну и тут Змеиный Король подымает голову из озера и говорит: «Кто меня зовет?» а святой ему: «Я зову». И так святой Патрик осерчал, что Змеиный Король не ушел со змеюками своими, когда им велено было, что прям затрясся от гнева – даже не сразу говорить дальше смог. «Ну и чего ты от меня хочешь?» – спрашивает его Змеиный Король. «Я хочу знать, почему ты не покинул ирландскую землю с остальными змеями», – говорит ему святой. «Ты велел змеям уйти, а я их король. И ты мне указа не делал!» – отвечает Змеиный Король – и сразу шасть и в воду нырнул, точно молния сверкнула. «Ну, вон оно как», – говорит святой Патрик и думает, чего дальше делать. А потом опять зовет: «Эй! Ты!» – «Чего тебе от меня снова надо?» – спрашивает Змеиный Король, высываясь из озера. «Я хочу знать, почему ты не слушаешься моих приказов?» – спрашивает святой. А Змеиный Король глянул на него и смеется. И такой вид у него злющий, скажу я вам, потому что солнце уже зашло, а луна поднялась, и камень в его короне сверкает холодным светом, так что дрожь до костей продирает. И говорит Змеиный Король медленно, точно поверенный в суде, когда дело совсем плохо: «Я не послушался твоего приказа, потому что я тебе не подчиняюсь. Нет у тебя власти надо мной». – «Это как это?» – спрашивает святой Патрик. «Потому что тут мои владения, – говорит Змеиный Король. – И у меня тут исключительное право. Я, – говорит, – тута полный гувернартор и не пойду отсюда, пока не будет на то моя личная воля», – и снова шнырь в озеро поглубже. «Ну и дела, – рассердился святой; поднимает крест повыше и кричит: – Эй! Ты! Поди сюда!» Змеиный Король опять из воды высунулся: «Чего тебе, святой? Чего ты от меня снова хочешь? Отстань от меня». – «Так ты уйдешь или нет?» – спрашивает святой Патрик. «Я тута король, и я никуда не уйду». – «Ну, тогда, – говорит святой, – я свергаю тебя!» Змеиный Король ему в ответ: «Ты не можешь сделать этого, покуда на мне корона». – «Тогда я сниму ее с тебя», – говорит святой Патрик. «Ты меня сперва поймай!» – говорит Змеиный Король и с этими словами ныряет снова в воду, только пузыри пошли по озеру. Ну, тута свя-

той прям так и встал, смотрит на воду, а она вниз, вниз и исчезает, а гора трястись начинает, потому что огромный змей там внутри мечется и поглубже забирается в гнездо свое.

И вот стоит святой перед пересохшим озером на краю, и крест в руке. И зовет он Змеиного Короля. А потом идет вниз – и там лежит энтот Король, свернувшись кольцами в основании озера, – и никто не знает, как он туда забрался, и святой не знал. А потом поднимает Змеиный Король голову – а короны-то на ней нет! «Где твоя корона?» – спрашивает его святой. «Спрятал», – говорит ему змей – и в глаза смотрит. «И где она лежит?» – спрашивает святой. «Корона моя в горе зарыта, и ни ты, ни подобные тебе еще тыщу лет не коснутся ее!» – сказал змей и снова глядит. «И где я найду ее, говори!» – осерчал святой. А Змеиный Король глядит на него с гадкой такой ухмылкой и отвечает: «Видел воду в озере?» – «Видел», – отвечает святой. «Как найдешь, куда вода утекла, найдешь и камень из моей короны, – и не успел святой слова сказать, змей дальше говорит: – а пока не сыщешь мою корону, я тута король, хоть ты меня и проклинаешь, и гонишь. И я т у та появлюсь, когда ты не ждешь, а пока буду присматривать за своей короной. Так что пошел я пока – моя тута воля». И больше слова не сказал – ни дурного ни доброго. Между камнями скользнул – и нет его! С той поры место то зовется Шлинанаэр, или Змеиный перевал. А теперь, сэр, коли мамаша Келлиган всю бочку не вылакала, хочу я еще капельку того пунша – тяжелая работа ляйгенды сказывать.

Хозяйка немедленно подлила ему пунша, а компания стала обсуждать предание. Одна из женщин заметила:

– Вот любопытно мне: и чего он сотворит, коли вернется?

Джерри ответил:

– Говорят, логово его там, где блуждающее болото. Гора с озером поверх из всей земли – самое урожайное место было. Тока потом болото стало туда-сюда ходить, и тута не разживься.

В разговор вступил суровый мужчина, которого звали Мак-Глоун – прежде он слушал молча, насупившись.

– А знает кто, когда болото блуждать пошло?

– Ну, точно-то никто не знает, говорят, как старый змей воду из озера увел в гору, так тута болото завелось, – глаза рассказчика сверкнули насмешливо, так что у меня закралась мысль, что сам он не много веры дает своей истории.

– Что до меня, – сказал Мак-Глоун, – я вот ни словечку твоему не верю.

– Да с чего бы не верить? – поинтересовалась одна из женщин. – Разве гору не зовут Ноккалтекрор, что значит Гора Потерянной Золотой Короны?

Другая добавила:

– Ха! Как это мистер Мак-Глоун верить во что станет! Он же протестант.

– Предпочитаю факты, – заявил Мак-Глоун. – Чтоб я поверил в эсторию, пусть расскажет ее почтенный старик. Черт меня дер! Я поверю тому, кто сам все видал и помнит, – он ткнул пальцем в сторону старого Мойнахана, морщинистого и седовласого, устроившегося в углу комнаты, рядом с очагом, и греющего у огня трясущиеся руки.

– И какую историю может рассказать нам мистер Мойнахан? – поинтересовался я. – Буду весьма обязан! Мне чрезвычайно хочется услышать все, что известно об этих горах.

Старик отхлебнул пунша, который заботливо подлила ему миссис Келлиган, словно побуждая и его повести долгий и осушающий рассказ, а потом заговорил:

– Вы уж простите – я-то не знаю ничего, окромя того, что слыхал от своего отца. Тока я часто слыхал, как он говорил, что ему говорили и что прежде сказывали, как при нашествии хранцузов, во времена гинерала Хумберта, когда все попытки провалились и вся надежда иссякла, английские саддаты рассчитывали на большие деньжищи, коли разыщут тута спрятанное сокровище. Потому что все знали: речь идет о богатстве огромном и они хотели расходы свои все покрыть, да еще в прибыли остаться, а потому платили тем, кто брался им помогать.

Так-то они тута суетились. Да все напрасно, чума на их голову! Они на любые деньги лапы наложить готовы, дьявол их заberi!

Старик снова отхлебнул пунша и с рассеянной улыбкой обвел взглядом собравшихся, всем видом давая понять, что ждет вопросов. Пожилая женщина проворчала:

– Эх, что за чудный рассказчик наш Бат! Каждое слово из него клещами тянуть надобно! Давай, Бат, не томи! Продолжай, Расскажи нам историю про деньги.

– Да что деньги... Значит, хотите послушать? Ну так я вам расскажу, только, мамаша Келлиган, плесни мне еще, раз уж джинтману антересно. Ну, один офицер отвечал у них за деньги, да ему помогали пять или шесть других саддатов. Был у них тяжеленный сундук с монетами – кованный железом, полный золота! Вот уж истинно сокровище! Большущий сундук – высотой с этот стол, полный золотых монет, да еще тама бумажные деньги лежали, один дьявол знает, скока тама денег было!

Он сделал паузу, наблюдая, как миссис Келлиган доликает пунш.

– Тока не слишком много воды, если ты меня любишь, Кетти, – заметил он. – Ты же знаешь мою слабость! Ну так вот. Говорят, поднять тот сундук было жутко тяжелым делом, а потом еще затащить его в лодку, а потом охрана и пара лошадей, а костров вечером развели стока, что все дымом затянуло по берегу. И оттудова поехали на юг от места, где загрузили сундук, на причале Киллала. Ну, как бы там ни было, говорят, ни про кого из тех саддатов больше не слыхано было. Проследили их до Арднари-ан-Лох-Конн, потом до озера Каслбар и Лох-Карра, потом через Лох-Маск до Лох-Корриб. Но через Гэлоуэй они не проходили, а за рекой тама следили день и ночь другие саддаты! И куда те подевались, одному господу известно! Но говорят, что они в беду угодили. Мол, взяли они сундук, и охрану, и лошадей в лодку, а когда местами ее тащить надобно до следующего озера, по земле волокли. Год выдался сухой, воды в Коррибе было едва по щиколотку, так что потонуть там не могли. Тока лодку-то нашли аж на Биаланабраке, но ни лошадей, ни людей и следа не было, как сокровище то ни рыскали. Так не доискались! Вот чего говорят, – добавил он с загадочным видом, снова прихлебывая пунш; казалось, история его подошла к финалу.

– Ну, старик, давай, не тяни! – приободрил его Мак-Глоун. – Энтю же не вся эстория. Продолжай! Пунш потом прикончишь.

– Ну, да уж, чего там! Вы все хотите узнать конец эстории. А никто того не знает. Говорят, что как энту лодку бросили, так и пошли на запад, пока ночью не наткнулись на гору. И тама зарыли они сундук, а лошадей убили – а можа, ускакали на них. Как ни крути, никто их больше не видал, это точняк – как то, что вы тута живы. А деньжищи-то в горе остались! Вот и судите по ее названию: с чего бы еще прозвать ее Ноккалтор – гора Потерянного Золота? Тока если деньги в ней запрятаны.

– Все точняк, – пробормотала старуха с затейливо вырезанной трубкой. – И вправду – с чего? Тока есть люди, что никому и ни во что не верят, хоть ты им в глаза тыкай! – И она энергично выпустила изо рта облако дыма, словно этим жестом осудила возможный скептицизм, который, между прочим, никто из собравшихся не высказывал.

Повисла долгая пауза, ее нарушала только другая старуха, периодически издававшая не то ворчание, не то вздох, будто ей хотелось непременно заполнить повисшую в комнате тишину. Она была профессиональной плакальщицей и, очевидно, хорошо подходила для своего дела. Наконец, старый Мойнахан нарушил молчание:

– Ну, короче, странная штука с энтой горой – сплошные льяйгенды и эстории, и сплетен ходит немало про всяких тама змей и прочих гадов. Честно сказать, я и не знаю, все ли они поутихли. Но вот что любопытно, так это блуждающее болото, оно ж по сей день покоя не знает. Так что я бы не поклялся, что и змеюки все с горы ушли и сгинули!

Хор голосов отозвался:

– Верно говоришь!

– Да еще энта черная змеюка! – бросил кто-то.
– И еще с усищами! – добавил другой.
– Черт побери! Да тута снова нужен святой Патрик, чтобы приглядеть за всем! – воскликнул третий.

Я прошептал, обращаясь к своему вознице Энди:

– О чем это они толкуют?

– Эх, тока не говорите, что я вам рассказал, – ответил он едва слышно и почти не двигая губами. – Верняк энто про Черного Мердока.

– Кто такой этот Мердок? – поинтересовался я.

– Гомбин.

– Да что все это значит? Кто такой гомбин?

– Эх! – шепнул Энди. – Туташние люди лучшее меня о том знают. Вот их порасспросите.

– Что такое гомбин? – спросил я у всей компании.

– Гомбин? Ну-у-у... давайте я расскажу, – отозвался необычайно морщинистый старик, сидевший по другую сторону очага. – Это такой тип, что дает тебе ссуду в несколько шиллингов или несколько фунтов, когда ты совсем в беде, и потом уже нипочем тебя не оставит, пока не выдоит из тебя все, что ты имеешь: землю, пожитки, деньги до последнего гроша. Он бы и кровь забрал из тела, если бы знал, как и кому ее сбыть!

– А, понятно! Ростовщик.

– Можа, и ростовщик. Тока ростовщик живет в городе и над ним какой-никакой закон есть. А гомбин ни закона не знает, ни страха. Вот о таких Писание говорит: растирают они в порошок лица бедных. Черт побери!

– В таком случае этот Мердок – человек со средствами, богатый, надо полагать?

– Богат ли он? Точняк! Он бы, коли захотел, мог бы завтра бросить энто место и съехать в Гэлоуэй, а то и в Дублин, если бы тама ему лучшее понравилось. И тама бы давал ссуды большим людям – землевладельцам и прочим. Вот было бы лучшее, чем тута бедняков живьем глотать, одного за другим. Но тока он не может поехать! Не может!

Последние слова старик выкрикнул с мстительным блеском в глазах, и я обернулся к Энди за пояснениями:

– Не может уехать? Как это понять?

– Не спрашивайте меня! Вона Дан тута. Он ему денег не должен!

– Кто из них Дан?

– Старик, что только что говорил, Дан Мориарти. Он крепкий парень, деньги в банке лежат, земля своя, он не боится сказать про Мердока.

– Не мог бы мне кто-нибудь ответить: почему Мердок не может уехать отсюда? – спросил я громко.

– Я скажу, – кивнул Дан. – Потому что гора держит его.

– Да что это значит? Как гора может его держать?

– Она-то крепко ухватить и держать может! Кого одним, кого другим, но гора держит – хватка у нее что надо!

Тут в разговор вступил священник, прежде безмолвствовавший:

– Странное дело, но люди склонны облачать абстрактные идеи в конкретную форму. Нет сомнений, что с этой горой были связаны необычайные события, о которых ходят слухи: вот, например, блуждающее болото – никто не может объяснить его природу, так что приходится довольствоваться легендами. Судя по всему, легенда очень древняя, она упоминается в рукописи XII века. Ее надолго забыли, но около сотни лет назад во время французского вторжения в районе Киллала пропал сундук с деньгами, и это пробудило воображение местных жителей от Донегала до Корка. Они решили, что таинственное исчезновение сокровища связано с горой Потерянного Золота и там следует искать деньги. Хотя нет ни малейших оснований считать это

достоверной историей, – с этими словами священник обвел собравшихся суровым взглядом. – Мне немного стыдно слышать подобную болтовню и то, что чепуху эту преподносят приезжему джентльмену, как будто это истина. Однако, сэр, не судите строго этих бедных людей, они хорошие и честные труженики – лучше вы во всей Ирландии не сыщете! А может, и во всем мире! Но, по правде говоря, болтают они слишком много.

Повисла неловкая пауза. Наконец, старый Мойнахан решился нарушить тишину:

– Ну, отец Петер, я-то ничего такого не болтал про святого Патрика и змей, сам-то ничего ни словечка, потому что я знаю ровно ничего про то про все. Но вот чего я знаю, так энтэ, что мой родной папаша мне сказывал, а он-то сам видал хранцузов своими глазами – и как они там суетились внизу, у самой горы. Луна вставала на западе, и гора бросала большую тень. Тама были два человека, две лошади и здоровенный сундук на повозке. Мой папаша видал энтэ сквозь заросли, да не высовывался. Груз был такой тяжеленный, что колеса тонули в глине, а люди-те тянули их наружу. И на другой день следы от тех колес-то видать было.

– Бартоломью Мойнахан, ты говоришь правду? – прервал его священник самым грозным тоном.

– Самую правду, отец Петер! Дьявол меня забери, коли я хоть слово лжи сказал.

– И как же так вышло, что прежде ты об этом не рассказывал?

– Да говорил я энтэ, отец Петер. Тута более одного сыщется, кто слыхал от меня про энтэ эсторию, тока я им по секрету! Чтобы не болтали.

Несколько голосов подтвердили его правоту. Собственно, это было большинство собравшихся, что придавало комический эффект понятию секрета. Затем все смущенно замолчали. Снова повисла пауза, и миссис Келлиган поспешила наполнить еще кувшин пунша и пошла взглянуть, у кого опустели чаши. Это вызвало оживление в компании, и она вскоре вернулась к разговору. Что до меня, я испытывал теперь странный дискомфорт, так как не мог рассудить обо всем услышанном с разумной точки зрения. Полагаю, у любого человека есть инстинкт, присущий и низшим существам: способность ощущать незримое присутствие.

Я огляделся исподтишка. Неподалеку от места, где я сидел, с задней стороны дома, находилось маленькое окошко в глубокой нише, почти скрытое от меня тенью священника, сидевшего ближе к огню. Я заметил человека, лицом прижавшегося снаружи к решетке, заменявшей стекло; темное, мрачное лицо, как мне показалось при том скверном ракурсе. Оно было развернуто ко мне в профиль, и ясно было, что человек прислушивался ко всему, что говорилось в комнате. Он не заметил, что я вижу его. А старый Мойнахан тем временем снова заговорил:

– Папаша мой залег за кустом, точно твой заяц. Люди-те туда-сюды зыркали – опасались, что их увидят, что ли. Затем они двинулись вверх по склону, а тута облако набежало на луну, так что папаша мой больше того и не видал. Но какое-то время опосля увидал тех же двоих подалее на юг, на горе, тама, где участок Джойса. Опосля они опять скрылись, тока он углядел их лошадей да повозку на прежнем месте – прям-таки в свете луны, как она из-за облака вышла. А опосля те двое вышли из тени, и сундук был на повозке, и шли они кругом горы на запад и тама снова исчезли с виду. Папаша мой переждал минуту-другую, чтобы верняк, а затем пошел следом по кругу, прячась со всех сил за скалами и кустами. И так добрался до входа на Шлинанээр, и тама раз – и снова чужаки-те! Как есть – те же двое тащат сундук, да прям-таки гнутся, такой он тяжеленный. А лошади с повозкой не видны. А тута каменюка у папаши с-под ноги выскочил и на Змеиный перевал покатился, да шуму от него! Чисто в барабан вдарил! И те два человека с сундуком как обернутся! И как они папашу-то заметили, сундук оставили, и один за папашей побежал, а тот тоже припустил. А тута как раз еще одно темное облако на тучу нашло, тока папаша тама каждый фут горы знал, так что бежал в темноте. Он слыхал шаги позади, а опосля они стали слабже и слабже, но он все равно бежал, пока не добрался до своей хижины. И большее того он не видал ни тех людей, ни лошадей, ни сундук. Можэ, они в

воздухе створились, можа, как говорят, в гору ушли, но тока сгинули без следа – и с того дня ни слуху ни духу от них. И никто ничего не знает!

Все с облегчением вздохнули, когда старик закончил рассказ, а он в один глоток осушил чашу. Я оглянулся в сторону окошка, но мрачное лицо за ним уже исчезло.

А затем все заговорили разом. Все спешили прокомментировать историю, кто-то говорил на ирландском, кто-то на английском, однако их английский был таким странным, полным местных словечек и оборотов, что я едва мог разобрать смысл сказанного. В целом я понял, что гора делилась на два участка – один, западный, принадлежал гомбину, ростовщику Мердоку, а другой некоему Джойсу.

Посреди всеобщего гомона внезапно раздался стук копыт, потом возглас снаружи, а затем дверь открылась, и на пороге появился коренастый человек лет пятидесяти с решительным суровым лицом и добрыми глазами. Он совершенно промок и был явно взволнован. Одна рука его безжизненно свисала вдоль тела.

– А вот и один из них! – сказал отец Петер.

Глава III

Ростовщик

– Храни вас бог, – произнес незнакомец.

Ему освободили место у очага. Но он не спешил садиться, постоял у огня, а от одежды его повалил пар.

– Да гляди-ка, он совсем мокрый! – воскликнула миссис Келлиган. – Можно подумать, с озера выбрался!

– Так и есть, мне не повезло, – ответил он. – Я проскакал всю дорогу от Гэлоуэя в этот благословенный день, чтобы поспеть сюда вовремя, но кобыла поскользнулась на Карраг-хилл и сбросила меня в озеро. Я там часа три плескался, пока выбрался. Я на Карраг Эок чужак, берега не знаю, и вот боюсь, сломал руку.

– Ох ты, ужас какой! Бедняга! – всплеснула руками хозяйка приюта. – Сымайте скорее плащ! Дайте-ка посмотреть, что тама с рукой.

Но незнакомец покачал головой.

– Не сейчас. Нельзя терять ни минуты. Я немедленно должен добраться до горы. Мне нужно попасть туда к шести часам. Пока я еще не слишком опоздал. Но кобыла совсем разбилась. Не мог бы кто-нибудь одолжить мне коня?

Все молчали. Наконец, заговорил Энди:

– Моя кобыла на конюшне, но тока энтот джентман нанял меня на весь день, я должен доставить его нынче к ночи в Карнаклиф.

Я решил вмешаться:

– Ничего страшного, Энди! Если ты можешь помочь этому джентльмену, сделай это. Я могу подождать здесь, пока гроза не закончится. Если ему нужно срочно ехать, несмотря на сломанную руку, значит, причины у него основательные.

Путник взглянул на меня с благодарностью:

– Благодарю вас от всей души. Вы настоящий джентльмен! Надеюсь, вам не придется никогда пожалеть, что помогли несчастному в беде.

– Что не так, Фелим? – спросил священник. – Что тебя так встревожило? Можем мы тебе помочь?

– Да нет, отец Петер, спасибо вам. Беда целиком моя, никто тут мне не споможет. Я должен сегодня вечером встретиться с Мердоком.

Ответом ему был гул голосов и вздохов, все явно понимали ситуацию и сочувствовали.

В этот миг в дверях появился новый гость.

В комнате воцарилась мертвая тишина, и только одна женщина в углу прошептала:

– Вот, помяни дьявола...

Джойс побелел, одной рукой он сжал хлыст для верховой езды, другая по-прежнему безжизненно висела. А Мердок сказал:

– Я пришел сюда, рассчитывая встретить Фелима Джойса. Полагаю, я избавил его от хлопот путешествия с деньгами.

Джойс ответил резко:

– Деньги при мне, здесь и сейчас. Извини, что немного запоздал, но это несчастный случай – сломал руку, чуть не потонул в озере Карраг. Но я как раз собирался ехать к тебе, перелом или нет, чтобы выплатить деньги, Мердок.

Ростовщик перебил его:

– Но ты не ко мне должен поспешать, добрый человек, а к шерифу – он-то тебя и поджидает, и коли не придешь в срок, – он ухмыльнулся, – он сделает свою работу.

– Какую еще работу? – спросила одна из женщин.

Мердок ответил медленно и отчетливо:

– Он установит, что ферма Шлинанээр – свободное владение, выставленное на продажу в уплату долга, все по закону. И бумаги все заделаны, и предупреждение вывешено.

Повисла тишина, потом Джойс сказал:

– Ты шутишь, Мердок. Бога ради, скажи, что шутишь! Ты сам мне говорил, что время есть. И что ферма пойдет с торгов, тока если я не верну деньги нынче. Нет! Ты же сам просил не говорить ни о чем соседям, чтобы они не схотели купить мою землю. И как я поехал в Гэлоуэй за деньгами, ты сам говорил, что ждать станешь – тока чтобы я молчал. Нет, Мертаг Мердок! Я знаю, что ты человек жесткий, но это уж слишком! Ты так не сделаешь!

Мердок не дал прямого ответа, но сказал так, словно обращался ко всей компании:

– Я рассчитывал встретиться сегодня с Фелимом Джойсом на торгах, но так как у меня были дела, о которых он осведомлен, я пришел сюда, где должны быть соседи – так и оказалось, – он достал из кармана блокнот и записал имена, произнося их вслух: – Отец Петер Эйан, Даниэль Мориарти, Бартоломью Мойнахан, Эндрю Мак-Глоун, миссис Кетти Келлиган – этого довольно! Я хочу, чтобы вы все видели, что я сделал. Ничего скрывать не стану! Фелим Джойс, я официально уведомляю вас, что ваша земля продана мне, так как вы нарушили слово вернуть мне долг прежде установленного времени. Вот предписание шерифа, и заявляю перед всеми этими свидетелями, что решение об изъятии земли принято.

Все присутствующие окаменели. Джойс был смертельно бледен и стоял неподвижно, но когда Мердок произнес слово «изъятие», кровь прилила к лицу несчастного фермера, ему стоило огромного труда сдерживаться, когда он заговорил.

– Мистер Мердок, вы должны быть справедливы. Я привез деньги нынче – они со мной, но несчастный случай помешал мне прибыть раньше. Я свалился в озеро Карраг и едва не потонул. Нельзя же все менять из-за часа или двух. Я вам все выплачу, даже большее того, и буду благодарен во всю жизнь. Заберите свои бумаги, заради детей – ради Норы...

Он сбился на последних словах. Ростовщик злорадно ухмыльнулся:

– Фелим Джойс, я многие годы ждал этого момента – ты достаточно знаешь меня, чтобы вообразить, что я могу отступить, уже вступив на дорогу?! Я бы не взял твои деньги, даже если бы каждая фунтовая банкнота разрослась на целый акр и разделилась на десяток десятифунтовых. Я хочу получить твою землю, я ждал такой возможности и я твердо намерен забрать ее! Нечего умолять меня, я не отступлю, так что пусть соседи станут свидетелями, я не принимаю твою просьбу. Земля теперь моя, я купил ее на открытых торгах и любой судья в любом суде Ирландии не сможет отобрать ее у меня! Что скажешь теперь, Фелим Джойс?

Несчастный фермер стиснул хлыст для верховой езды, который был в его руке перед предполагаемой дорогой, и я понял, что дело не кончится словами ростовщика. Так и вышло. Молча и стремительно он ударил противника в лицо – кулак мелькнул со скоростью молнии, и удар оказался столь мощным, что из разбитой губы брызнула кровь. С диким воплем ростовщик ринулся на обидчика, однако и свидетели не растерялись. Прежде чем эти двое обменялись новыми ударами, их схватили и растащили в стороны. Гнев Мердока не знал границ. Он завывал, как лесной зверь, он требовал, чтобы его отпустили и дали возможность уничтожить противника. Он страшно ругался и богохульствовал, пока его не прервал громкий и суровый голос священника:

– Придержи язык, Мертаг Мердок! Ты не боишься, что Господь поразит тебя? Ты глупец, если искушаешь его, – пусть хотя бы гроза научит тебя, каким может быть его гнев!

Ростовщик внезапно замер, на место ярости пришла холодная злость. Она была видна в его глазах, в выражении лица. Но священник продолжал:

– А что касается тебя, Фелим Джойс, стыдись! Ты не из моей паствы, но я поговорю с твоим священником. Сегодня Господь избавил тебя от ужасной смерти, и ты осмеливаешься

бросать Ему вызов страстью и гневом? Конечно, у тебя есть причины гневаться, точнее – соблазн для гнева, но ты должен научиться благодарить за испытания, а не проклинать Бога за них. Он знает, как направить тебя и других, и, возможно, со временем ты вспомнишь этот день и благословишь Его мудрость, и тогда тебе будет стыдно за свой гнев. Отпустите этих двоих – пусть они идут своей дорогой, надеюсь, они хотя бы передо мной не станут устраивать свару.

Священника послушались. Джойс низко склонил голову – никогда прежде я не видел такого воплощенного горя. Он медленно развернулся, прислонился к стене, спрятав лицо в ладонях и тихо заплакал. Мердок издал странный звериный звук, затем осмотрелся вокруг и произнес:

– Ну что же, дело сделано, а теперь мне пора домой.

– Подыщи кого, чтобы загладить отметину на физиономии, – бросил Дан.

Мердок обернулся и яростно глянул на него, а потом прошипел:

– Кое-кому придется многое загладить. Хорошенько запомни это! Я никогда не отступаю и не дам слабину, и мой черед для удара еще придет. Вы все еще пожалеете! Если я змея на горе, опасайтесь змей.

А тому, кто поднял на меня руку, придется заплатить за это. – И с этими словами он развернулся и пошел к двери.

– А ну-ка постой! – воскликнул священник. – Мертаг Мердок, я тебе вот что скажу: это слово – предупреждение. Сегодня ты ведешь себя, как Ахав по отношению к Навуфею Изре-елитянину, так опасайся его судьбы! Ты забрал добро своего соседа – ты воспользовался властью, в которой нет милосердия, ты поставил закон на службу насилия. Запомни мои слова! Давно сказано, что каким судом человек судит, таким и сам он будет судим. Господь справедлив. Нельзя насмехаться над Богом. Что посеешь, то и пожнешь. Сегодня ты посеял ветер – будь готов пожать бурю! Господь видел грех Ахава Самаритянина, и Он видит грехи всех людей – так Он и твои грехи не оставит без внимания и возложит грехи твои на тебя. Ты не просто забрал чужую землю, ты сделал нечто худшее. Не забывай историю о винограднике Навуфея и о печальной кончине несправедливого человека. Не отвечай мне! Иди и раскайся, если можешь, попытайся найти печаль и милость по отношению к другим – если не желаешь навлечь на себя несчастья. Иначе проклятье обрушится на тебя!

Без единого слова Мердок открыл дверь и вышел вон, а затем мы услышали стук копыт его лошади по каменистой дороге, уводящей его к Шлинаанаэру.

И только когда стало ясно, что ростовщик уехал, поток жалости и сочувствия обрушился на Джойса. Ирландская натура эмоциональна, и мне не доводилось еще видеть столь искреннего и сильного проявления чувств... Глаза многих были полны слез, все были глубоко тронуты несчастьем ближнего. Казалось, меньше всех взволнован сам бедняга Джойс. Он словно ушел в себя, отвага и гордость помогали ему устоять на ногах. Однако постепенно он поддавался на теплые пожелания друзей и, наконец, сказал в ответ на предложение оказать ему помощь:

– Да, если позволите. Лучшее не ехать сейчас домой к моей бедной Норе, не огорчать ее сейчас. Несчастливая! Ей и без того нелегко приходится.

Ему помогли снять сырой плащ, нашли те, кто взялся забинтовать его поврежденную руку. Священник имел некоторые представления о хирургии и на основании их сделал вывод, что перелом простой, без смещения кости. Он примотал к руке крепкую щепу в качестве временной меры, и все сошлись во мнении, что Джойсу в любом случае надо переждать грозу, прежде чем возвращаться домой. Энди пообещал отвезти его на повозке, так как хорошо знал дорогу – она частично совпадала с нашим путем в Карнаклиф, надо было всего лишь сделать небольшой крюк; мы можем также завернуть к доктору, который правильно позаботится о сломанной руке Джойса.

А пока все мы уселись у огня, слушая завывание ветра и жестокие порывы стихии, метавшейся по долине и пытавшейся вломиться в дверь, сорвать крышу или каким-то иным спо-

собом уничтожить наше хрупкое пристанище в горах. Естественно, всех занимала лишь одна тема, так что едва ли кто-то удивился словам старого Дана:

– Эй, Фелим, все мы тут друзья, так Расскажи нам, как же Черный Мердок сумел до тебя добраться? Точняк, любой тут рад бы тебе помочь из евоных когтей вырваться.

Все одобрительно загудели. Джойс вздохнул и проговорил:

– Спасибо вам, соседи, за доброту ко мне в такую скорбную ночь. Ну чего там сказать? Как Мердок надо мною власть забрал? Помните мальчика моего, Юджина?

– Славный парень, благослови его господь! – отозвалась одна из женщин.

– Вот, и вы знаете, что он отлично управился, как я его в школу послал, и доктор Уолш мне прям говорил сделать с него инджинера. Он мне толковал, что парень много обещает из себя и жаль не дать ему правильного старта в жизни, вот и дал мне письмо к сэру Джорджу Хеншоу, большому инджинеру. Ну, я поехал к нему, и он мне сказал, что возьмет мальчика. Он сказал, что стоит то немало, но мне не надо тревожиться – по-любому он-то сам платы с меня не возьмет, да и партнера попросит проявить снисхождение. Но тока тот заупрямился, денег затребовал. Говорил, что не можа того сделать без денег, но срежет плату вдвое, но тока чтобы я заплатил все сразу и наличными, никаких рассрочек и вкладных. Ну, так-то плата пять сотен фунтов была, а тока сэр Джордж милостив был, да партнер его половину взял, и все было реально. Но тока у меня было несколько фунтов – я же перед тем потратился на посадки и ограду, и заплатил за школу для мальчика, и за девочку свою монахиням в Гэлоуэе, и в обрез все стало мне, а деньги сыскать надо прям сразу. Но не мог же я упустить шанс парню дорогу в жизнь положить. И я засунул гордость в карман, пошел и попросил деньги у Мердока. И он был такой складный и приветливый – теперь-то ясно почему. И пообещал, что даст всю сумму сразу, но под заклад земли. Воображаю теперь, как он тама потешался! А я же ничего и не заподозрил. Он мне твердил, что бумаги, что я подписываю, чистая формальность и он их применять-то не станет...

Тут его перебил Дан Мориарти:

– Что ты подписал, Фелим?

– Было тама две бумаги. Одна была такая, что ежели я не выплачу деньги в такой-то срок, то земля моя будет в обеспечение долга. А вторая от имени поверенного в суде, что такой-то, мол, срок и такие-то деньги. И я был уверен, что мне ничего не грозит – я же все уплачу в срок, а если уж совсем какая беда случится, успею у кого другого перезанять, чего не хватает. А возврат в десять раз больше суммы долга, немало же! Вот и в том, думал, его интерес. Да чего теперь назад смотреть! Подписал я бумаги – тому уж год и одна неделя. И неделю назад время пришло, – он подавил рыдания и продолжил. – Ну, значит, год минул, и сами знаете – плохой тут был год, и я уж увидел, что никак мне сумму не поднять. Парень-то молодец, он мне, считай, ничего не стоил – сам брал работу и кормил себя, а девочка моя, Нора, приехала из школы и тут трудилась со мной, и мы каждый пенни экономили, да что толку! Так и не смогли собрать, скока надо! А тама еще беда со скотом учинилась, тоже все знаете, и три лошади, что я продал в Дублине, померли раньше, чем истек срок гарантии. Что они не хворые.

В разговор вмешался Энди:

– Да уж правда! В Дублине какая-то напасть со скотом и конями приключилась повальню. Даже мистер доктор перфессур Фергюсон разбирался, да не разобрался!

Джойс кивнул и продолжил:

– И как время-то приближалось платить, мне все страшнее делалось, но Мердок сам пришел, я был один как раз, и говорит он мне: мол, не бойся, про шерифа и не думай, мол он ему записку послал, что дела у нас слажены. И ты, говорит, Норе-то не сказывай, не пугай девочку, женщины, мол, близко к сердцу все принимают, а то все мелочи для нас, для мужчин. И, прости меня господь, я ему и поверил. Ни слова детке моей не сказал о том – даже когда от шерифа письмо пришло. А как появилось объявление про мою землю на столбе, я его и

сорвал сам, чтобы детка моя не перепугалась, – спаси меня, господь! – он смешался, опустил голову, но потом собрался с силами и продолжил: – Мне все же было беспокойно на душе, и чем ближе была дата торгов, тем я сильнее места себе не находил. В итоге все сказал Норе. Это вчерась тока было – вот гляньте на меня нынче! Нора считала, что нечего доверять гомбину, послала меня в Банк Гэлоуэя взять денег в долг. Она сказала: ты честный человек, ты фермер со своей землей, банк ссудит тебе деньги. И точняк: пришел я утром в банк, как назначено, и меня там встретили чин-чином, Нора спросила у матери-настоятельницы, та ей описала, как мне себя вести, как просить. И управляющий в банке – настоящий джинтман, он мне ответил: мол, я могу взять деньги в долг. Я лишь оставил расписку и получил деньги. Вот они тут, в кармане, в хороших банкнотах. С ними я в озеро свалился, но, к счастью, они все целы. Но слишком поздно, помоги мне, господь! – он помолчал, а потом с видимым усилием добавил: – Банк мне поверил, и я не должен обмануть их. Верну деньги в Гэлоуэй, как можа скорее. Я человек поконченный, но не бесчестный. Но бедняжка Нора! Помоги ей бог! Все это разобьет ей сердце.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только сочувственными вздохами. Первым заговорил священник.

– Фелим Джойс, я тебе говорил уже, в самый разгар твоей страсти, что Бог знает, что делает, у Него свои пути. Ты честный человек, Фелим, Господь знает это, и, поверь мне, Он не покинет тебя в твоих страданиях. Псалмопевец говорил: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба»,¹ подумай об этом, Фелим! Пусть эти слова утешат тебя и бедную Нору. Благослови ее Господь! Она хорошая девочка. Ты должен быть благодарен за нее – такая дочь сама по себе счастье в доме, она заменила мать, прекрасную женщину. А твой мальчик, Юджин, он получит профессию и прославится – может, даже на всю Англию. Благодарите Бога за его милости, Фелим, и доверяй Ему!

В комнате воцарилось гробовое молчание. Наконец, суровый фермер встал и пожал руку священнику.

– Благослови вас Господь, святой отец! – сказал он. – Вы умеете найти слова утешения.

Сцена была чрезвычайно трогательной, никогда ее не забуду. Казалось, худшее для несчастного уже позади, он уже миновал самые мрачные часы, высказал свою беду, теперь он готов был ко всему: по крайней мере, на ближайшее время. Я был уверен, что даже самое горькое разочарование не ожесточит сердце этого сурового и порядочного человека.

Старый Дан попытался на свой практичный лад утешить соседа:

– Конечно, беда, Фелим, отдать родную землю такому мерзкому типу, как Мердок. Но вот чего я тебе скажу: ты без работы не останешься. Ты вот скажи – ты всю землю под залог записал или тока нижнюю ферму? Поля Утесов за тобой остались?

В глазах бедолаги Джойса сверкнула надежда, лицо смягчилось.

– Тока нижнюю ферму, слава богу! В самом деле, с Полями Утесов-то я не распрощался! Они ведь принадлежат не мне, а Норе, оставлены ей матерью – так и записано по закону, жена моя получила их от своего папаша к свадьбе с условием, что он там до смерти сам управлялся. А как он помер, так вся земля та на нее отошла. Тока боюсь, что сама та земля немногого стоит, воды на ней нет, мы-то воду брали с нижней фермы. А если доставлять воду в гору издалека, с моей новой земли, – последние слова он произнес с горькой усмешкой, – трудно чего там вырастить – можа, гречиху. Побьюсь об заклад, что воду-то Мердок оттудова сразу отведет. Поди, он и Поля Утесов хотел заграбастать.

Я осмелился задать вопрос:

– А как расположены ваши земли относительно участков мистера Мердока?

Он ответил с мрачным юмором, столь характерным для ирландцев:

¹ Пс. 36:25.

– Энта вы про мои старые земли или про новые?

– Про все – они должны все принадлежать вам, – ответил я.

Ему явно понравились мои слова, он кивнул и сказал:

– Ну, короче, тута такое дело. Нам двоим принадлежит западный склон горы. Земля Мердока – я про ту, что всегда была его, а не ту, которую он у меня отнял, – лежит вверху горы, а моя ниже. Моя земля – лучший участок на горе, а энтот, пропащая душа, владеет несколькими выпасами тута и тама. Окромя того, есть еще одна штука. Вверх по горе есть болото, большее всего – на его участке. И кусок сухого торфа, лучшего в стране, того торфа на сотню лет хватит, но он глубоко.

Дан вмешался в разговор:

– Во точняк! То болото у гомбина без особой пользы. Вонючая гнилая вода, тока и всего. Если похочет тама оставаться, надо получше все обустроить!

– Болото? Оставаться на нем! Помилуйте, вы о чем? – воскликнул я, совершенно озадаченный.

– А вы разве не слыхали нынче разговоры про блуждающее болото на горе? – спросил Дан.

– Конечно, слышал.

– Ну так энто оно самое! Оно передвигается, передвигается дольше, чем кто может упомнить. Мой дед не раз твердил мне, что, когда он сам мальцом был, болото энто было не в пример как меньшее. Пока я тута живу, в мои дни, болото не передвигалось, так что отважусь сказать: оно укоренилось на месте, которое ему пришлось. Ты, можа, пользу из того извлечешь, Фелим. Вот поверь мне – из этого неплохие деньг и вый д у т.

– Да, я не буду сидеть, сложа руки, глядя, как паразит пожирает мою собственность! – отважно заявил Джойс.

Вся эта история с болотом и с земельными участками на горе показалась мне весьма любопытной. Никогда прежде я не слышал о блуждающих болотах, так что теперь твердо решил нанести визит в те места, прежде чем покину эту часть страны. К этому времени гроза стала утихать. Дождь прекратился, и Энди сказал, что мы можем двигаться дальше. Вскоре мы уже снова были в пути; мы с Джойсом сидели в одной части экипажа, а Энди в другой. Вся компания вышла, чтобы попрощаться с нами и пожелать удачи, наперебой раздавались советы и добрые слова, а через считанные минуты мы уже уносились прочь, в чернильную тьму ночи.

Энди был прирожденным возницей. Ни темнота, ни сложная дорога, ни количество выпитого виски-пунша не мешали ему уверенно справляться с задачей, он крепко держал вожжи. Экипаж раскачивался и подпрыгивал – дорога была в скверном состоянии, но кобыла шла резво, и Энди был совершенно невозмутим. Пару раз за три мили бесконечных поворотов, перекрестков, широких и узких дорог, порой пролежавших по самой кромке воды, он спрашивал у Джойса, как проехать дальше. Мне казалось, что опознать местность и выбрать правильный путь в этом хаосе просто невозможно, а проезжие дороги иногда были неотличимы от реки – вода и там и там бурно неслась сплошным потоком. Полная темнота усугубляла картину. И все же Энди и Джойс явно не сомневались в том, где именно мы находимся, периодически обмениваясь замечаниями о каких-то придорожных объектах и приметах, которые я вообще не мог разглядеть во мраке, сколько ни пытался.

Например, Энди спрашивал: «Вверх или вниз взять вон там, на развилке?» или «Чуток подзабыл, вон тама не старая яблоня Микки Долана торчит? Или он ее срубил?» я смотрел в указанном направлении, но видел только непроглядный мрак. Наконец, мы свернули направо и оказались на обустроенной дорожке, которая вела к дому. Его легко было опознать по свету в окнах, хотя общие контуры я различить не сумел. Энди спрыгнул с козел и постучал, потом коротко обменялся с кем-то фразами, после чего Джойс осторожно последовал за ним и вошел в дом доктора. Меня тоже пригласили зайти, но я решил не отвлекать доктора от работы, так

что мы с Энди проявили смирение и терпение, поджидая пострадавшего в экипаже. Джойс появился с аккуратно перебинтованной рукой и правильно наложенной шиной. И мы снова направились в ночную тьму.

Некоторое время спустя я заметил, что небо стало светлеть, а может, это глаза мои привыкли к темноте. И почему-то в голову мне снова и снова приходила фраза «вижу проходящих людей, как деревья».² Внезапно массивный силуэт возник черной тенью на темном фоне неба, Энди обернулся и сказал мне:

– Вот и Ноккалтекпор, мы прям у подножия, а скоро окажемся у участка, где мистер Джойс сойдет.

Кобыла потрусила дальше, гора затмевала тот слабый свет, который был рассеян в небе, так что мы погрузились в полную темноту. Через некоторое время Энди обернулся и сказал нам:

– Сдается мне, как бы то ни мисс Нора сидела вон тама в стороне.

Я пристально взгляделся в указанном направлении, но не видно было ни зги.

– Нет, надеюсь, нет, – отозвался отец девушки торопливо. – Она никогда не выходит из дома в грозу. Хотя... да, это она, она увидела нас.

В следующий момент до нас долетел нежный девичий голос:

– Это ты, отец?

– Да, дитя мое! Надеюсь, ты не была на улице в грозу?

– Только немного, отец; я беспокоилась о тебе. Все получилось? Ты получил то, что хотел? – Она спрыгнула с ограды и приблизилась к нам, затем, очевидно, увидела меня и продолжила оробев, совсем тихо: – О! Прошу прощения! Я не заметила, что с тобой незнакомец.

Мне все это было весьма странным; нежный голос, мелодичнее которого я никогда не слышал прежде, но все же я чувствовал себя как слепой, так как ничего разглядеть не мог, в то время как трое других, казалось, держались уверенно и легко, как при дневном свете.

– Энтот джентльмен был очень добр ко мне, Нора. Он предложил подвезти меня в своем экипаже и даже сделал крюк, чтобы доставить прям сюда.

– Я уверяю вас, сэр, что все мы благодарны вам. Но, отец, где же твоя лошадь? Почему тебе пришлось добираться до дома в этом экипаже? Я надеюсь, с тобой не случилось ничего дурного? Весь день я так боялась за тебя, – голос ее дрогнул, я бы поклялся, что она побледнела, хотя во мраке ночи не мог удостовериться в этом.

– Да, дорогая, я упал в озеро Карраг, но теперь со мной все в порядке. Нора, милая! Быстрее, помогите, она упадет в обморок! Боже мой! Мне не успеть.

Я выпрыгнул из экипажа и шагнул на голос, но руки мои хватали лишь пустоту. Но тут рядом я услышал Энди:

– Все в порядке. Я ее подхватил. Держитесь, мисс Нора, ваш папаша в норме, разве сами не видите – вот приехал в экипаже, чин-чином. Не тревожьтесь, сэр, она храбрая девочка! Она не станет хлопаться в обморок.

– С мной все хорошо, – пролепетала она, – но, отец, надеюсь, ты не пострадал?

– Чуть-чуть, дорогая, тока немного со мной повозиться придется. Ручаюсь, несколько дней – и молодцом буду. Спасибо, Энди. Помогите мне выбраться – что-то я неуклюжий нынче. Спокойной ночи, Энди, – добавил он, оказавшись на земле, – и вам доброй ночи, сэр. Сердечно благодарю за вашу доброту ко мне. Надеюсь еще увидеть вас, – он пожал мне руку.

– Доброй ночи, – ответил я. – Не сомневаюсь, что мы еще встретимся.

Другая рука коснулась моей – теплая, сильная, хотя и небольшая, а нежный голос застенчиво проговорил:

– Доброй ночи, сэр, спасибо вам за заботу о моем отце.

² Марка 8:24.

Я пробормотал в ответ «спокойной ночи», приподнимая шляпу. Темнота в тот момент так сгустилась, что стала буквально невыносимой. Мы слышали, как отец и дочь пошли по тропе к дому, и я снова забрался в экипаж.

Ночь показалась темнее прежнего, когда мы повернули к Карнаклифу, это было самое тоскливое путешествие, которое я когда-либо совершал. Лишь одна мысль утешала и ободряла меня на протяжении многих миль по сырой, размокшей дороге: воспоминание о теплой руке и нежном голосе из тьмы, и мир в тени таинственной горы, который, казалось, неожиданно стал частью моей жизни. Я снова и снова припоминал слова старого рассказчика: «Гора крепко держит! По тем или другим причинам, но гора держит крепко!» и смутное удивление зародилось в моей душе: будет ли она держать меня? И как это случится?

Глава I V

Тайны болота

Минуло шесть недель, прежде чем завершились мои визиты к ирландским друзьям и я собрался домой. Везде я встречал радушный прием, казалось, все наперебой стараются предложить мне лучшие развлечения, лучшие закуски, передо мной снова и снова появлялась отличная еда и вино в изобилии. Запад Ирландии запомнился мне не только великолепными угощениями, но и днями досуга на свежем воздухе, в течение которых делалось немало для процветания виноторговли – порой в ущерб иным клиентам.

Однако и посреди удовольствий я не мог – да и не хотел – избавиться от мыслей о Шли-нанаэре и окрестностях, которые произвели на меня неизгладимое впечатление. Переживания той необычной грозовой ночи, нежный голос, приходящий из тьмы, рожденной тенью горы, постепенно тускнели. Теперь, оглядываясь назад, я пытаюсь разобраться в своих чувствах с учетом позднейшего опыта и знания жизни, но в итоге должен признать, что я попросту влюбился. Не могу сказать, рассуждали ли философы о самой возможности влюбиться в абстракцию, нуждается ли сердце в конкретном объекте! Кто знает, почему пчелиный рой покидает родной улей в едином порыве, чтобы создать нечто новое. В любом случае ни философ, ни логик, ни метафизик, ни психолог, ни иной другой мыслитель не доказывал вероятность того, что человек может влюбиться в голос, не облаченный в его воображении в реальную, видимую оболочку.

Безусловно, неизвестное обладает для нас особым очарованием – *omne ignotum pro magnifico*.³ Если мое сердце и не было исполнено любви, по крайней мере, оно готово было к поклонению. И тут я вступал на твердую почву, изведенную еще в древности, – как не понять чувства афинян, ставивших алтари «неизвестному богу»? Оставляю философам определение того, как далеко или близко отстоят друг от друга любовь и поклонение, как в исторической преемственности, так и в описании наиболее священного! Будучи человеком обычным, я не находил изящества или красоты в поклонении без любви.

Впрочем, поскольку причина моих чувств была столь очевидна, ничто не помешало мне вернуться домой через Карнаклиф. Выбрать дорогу из Клэра в Дублин через Гэлоуэй и Мэйно означало бросить вызов собственной натуре. Я решил не вступать в острый внутренний конфликт и подумал, что причиной моего интереса Нора была в большей мере, чем загадочная гора Шли-нанаэр. Я признал бы обоснованными насмешки по поводу моей легковёрности и чрезмерного увлечения легендами, равно как готов был разочароваться, увидев девушку, далеко отстоящую от моего высокого идеала. Но я не мог завершить этот теоретический спор с самим собой, как бы ни видоизменялся предмет размышлений и какие бы подходы к нему я ни изыскивал.

Итак, мне следовало вернуться в Карнаклиф и расставить все по местам. Приближался я туда не без смятения чувств, хотя на этот раз путь мой шел с юга, а не с севера, как прежде. Время тянулось мучительно медленно, я почти сожалел, что возвращаюсь к горе. С другой стороны, меня пугала перспектива никогда не добраться до Ноккалтекнора. Временами все происходящее представлялось мне сном, и романтический ореол воображения окружал все предметы, все места, которые я миновал, – все виделось мне незнакомым. Моя деликатная фантазия поминутно сталкивалась с суровой и вульгарной реальностью.

³ Все неизвестное прекрасно (лат.). – Примеч. пер.

В маленьком отеле меня сердечно приветствовали хозяева, поддерживая традиции гостеприимства, свойственные западу страны. Оказалось, они отлично помнят меня, потому что почти сразу хозяйка сказала:

– Рада сообщить вам, сэр, что ваш возница, Энди Салливан, нынче здесь. Прибыл с коммерческим грузом из Вестпорта в Эоундвуд, а теперь вертается обратно и надеется сыскать новую работу. Думаю, вы неплохо поладите с ним к обоюдному удовольствию.

На теплую речь я ответил торопливо и, как мне самому показалось, не слишком вежливо, поскольку собирался оставаться в этом месте несколько дней и экипаж мне не требовался. Затем я прошел в отведенную мне комнату и запер дверь, бормоча под нос проклятия в адрес чересчур предупредительных хозяев. Я оставался там некоторое время, выжидая, пока Энди отправится в дальнейший путь в поисках клиентов, а затем решил выйти. Однако я плохо знал Энди. В холле я первым делом увидел жизнерадостного возницу, поспешившего приветствовать меня.

– Вот это да! Рад увидеть вас снова, сэр! Буду так уж горд услужить вам снова и домчать в Вестпорт.

– Прости, Энди, – начал я, – но на этот раз мне не нужен экипаж. Я задержусь в этих краях на несколько дней.

– Тута остаться? Вот здорово! Да это просто отличная новость! Уверен, кобыле моей нужна передышка, мы с ней умаялись. А как вам надо туда-сюда прокатиться по местным дорогам, так мы всегда к вашим услугам. Можя, на Шлинанээр вас отвезти? Это кобыле не за труд, расстояние пустяковое.

Мне очень хотелось ответить с достоинством, и я надеялся, что это удастся, если взять более формальный тон.

– Видишь ли, Салливан, я не упоминал о желании прокатиться до Шлинанээр или до иного места по соседству.

– Точняк, – уверенно кивнул Энди. – Но я-то помню, вы тогда еще говорили, что хотели взглянуть на блуждающее болото, а мистер Джойс и мисс Нора в беде, можя, вы сумеете их утешить.

– Мистер Джойс, мисс Нора – кто это? – я почувствовал, что краснею до корней волос, а голос мой звучит ужасно фальшиво.

Ответом Энди стал самый комический взгляд, который только можно вообразить; в довершение всего он многозначительно подмигнул мне. Я не смог вынести иронии и сказал:

– О да, помню! Это ведь тот самый человек, которого мы подвозили к темной горе?

– О да, сэр! Он самый и его дочь.

– Его дочь! Не помню ее. Конечно, мы ведь только подвезли его на экипаже.

Я снова начал сердиться, у меня созрела внутренняя решимость не иметь никаких дел ни с Энди, ни с кем-то еще из посторонних. Я решил, что главным объектом моего визита в эти края будет блуждающее болото и ничего кроме него. Энди, как и все насмешники, отлично понимал человеческую природу, так что спокойно подвел итог своим наблюдениям и размышлениям:

– Точняк, вы мне не доверяете. Я-то слеп, и глух, и нем, вот совсем. Те, кто меня знает, скажут: я не тот человек, чтобы вертаться к молодому джентлану, который приехал глянуть на болото. Разве ж не так поступают все молодые люди? Я вот и сам скока раз без памяти хотел поглядеть на то болото! Нет ничего страннее! А глядение на болото – ваще самая интереснейшая вещь на свете, о какой я тока слыхал.

Не было смысла спорить с Энди, он знал эти края, местных жителей, так что я вздохнул и признался себе в том, что лучшего проводника и помощника мне здесь не найти. Он может оставаться в Карнаклифе, пока будет мне нужен, а потом отвезет меня в Вестпорт. Но,

поскольку я был не вполне честен в декларации своих намерений, я подумал, что не стоит терять времени и предложил отправиться на болото на следующий день, рано утром.

После ужина я закурил сигару, и миссис Китинг, хозяйка отеля, обратилась ко мне с просьбой. Она сказала, что в том же заведении остановился некий джентльмен, который каждый день отправляется к Ноккалтекрору. И поскольку она услышала, что я собираюсь поехать туда следующим утром, она решила спросить, не буду ли я против предоставить место в экипаже и ем у. Гость как раз в тот день подвернул ногу и ходить ему стало трудно. В сложившейся ситуации я не мог отказать, это было бы крайне неучтиво. Я согласился с подчеркнутой жизнерадостностью, но, оставшись один, выразил свои истинные чувства в беспомощном ворчании: «Почему я должен путешествовать не на съемном личном экипаже, а на какой-то злосчастной карете скорой помощи? Кажется, я так и не смогу приблизиться к Шлинаанаэру без какого-нибудь инвалида в компании! С меня хватит! Но, увы, не на этот раз. Надеюсь, Энди сумеет досадить незваному спутнику своим острым языком. Оно, конечно, хорошо быть добрым самаритянином, но мне надоела эта роскошь, она становится все однообразнее».

Последнее соображение заставило меня ощутить мрачный юмор своего положения. Если бы я не встретил Энди, скорее всего, никогда не узнал бы о существовании Шлинаанаэра, не услышал бы легенды о Змеином перевале и таинственной горе – и голос Норы. «Стало быть, – сказал я себе, – эта идеальная фантазия, этот бестелесный женский голос, отныне обретает для меня конкретное имя. И такое прекрасное имя!»

Мне предстоит сделать еще шаг к болоту и пора изгнать дурное настроение во имя Судьбы. К тому моменту, когда сигара была наполовину выкурена, а мои чувства примерно в такой же мере смягчились, я встал и прошел к бару, где попросил миссис Китинг рассказать подробнее о моем завтрашнем спутнике. Она ответила, что это молодой инженер по фамилии Сатерленд.

– Что за Сатерленд? – спросил я, припомнив, что в школе учился с Диком Сатерлендом, который вроде бы поступил потом в Ирландский научный колледж.

– Возможно, сэр, это тот самый джентльмен, – заметила хозяйка. – Он записался как мистер Эйчард Сатерленд, и он упоминал что-то про Стивенз Грин.⁴

– Наверняка это он! – воскликнул я. – Какая удача! Скажите, миссис Китинг, что привело его в ваши края?

– Он выполняет какие-то работы на горе Ноккалтекрор для мистера Мердока, что-то вроде шахты. Я слыхала, сэр, что там нечто таинственное – ставят столбы, на них магниты крепят, и всякие плиборы, и сложные такие штуки. Говорят, мистер Мердок умом тронулся, как отобрал землю у бедного Фелима Джойса. Такой почтенный и хороший человек этот мистер Джойс! А гомбин поступил с ним очень дурно. Мистер Джойс взял у него ссуду, а как пришло время ее выплатить, попал в беду и не поспел к нужному часу. И гомбин участок его выкупил. Да и не выкупил даже, а просто сговорился с шерифом и все обделал. Мистер Джойс даже в суд обращался, но мистер Мердок повернул так, что ему достался отличный участок мистера Джойса, а тому бедняге – скверный кусок земли мистера Мердока.

– Как плохо! И когда все это закончилось?

– Точно не помню, но мистер Сатерленд сможет вам ответить, когда вы завтра вместе поедете.

– А где он сейчас? Я бы хотел его увидеть. Вдруг это и вправду мой школьный товарищ.

– Да он уже в постели, очень уж рано встает, скажу я вам.

После прогулки по городу (если его можно так назвать) я также отправился спать, так как на завтра предстоял ранний подъем. Утром, спустившись к завтраку, я обнаружил, что мистер Сатерленд свою трапезу уже завершает. Это действительно был мой давний знакомый, только

⁴ Стивенз Грин – парк и район в Дублине, Ирландия. – *Примеч. пер.*

из хрупкого бледного мальчика он превратился в крепкого, коренастого мужчину с живым взглядом и мягкой темно-русой бородой. Высокий и округлый лоб сиял белизной, обозначая раннюю стадию облысения.

Мы сердечно приветствовали друг друга – словно старые времена внезапно вернулись и мы с Диком получили шанс обновить прежнюю дружбу. Уже в дороге я стал расспрашивать его про Шлинанаэр и его обитателей. Начал я с вопроса о том, что привело Сатерленда в эти края.

– Я только что хотел задать тебе тот же вопрос, – ответил он. – Какими судьбами ты здесь оказался?

Мне непросто было ответить с той непринужденностью и прямоотой, которые я хотел бы проявить по отношению к приятелю. Кроме того, я знал, что у Энди ушки на макушке, так что я сказал:

– Я наносил визиты на западном побережье и подумал, что на обратном пути мне предоставляется возможность исследовать любопытный природный феномен, о существовании которого я узнал совершенно случайно во время поездки на запад. Я имею в виду блуждающее болото.

Энди не преминул вмешаться в разговор:

– Точняк, джентльмен жутко заинтересовался нашим болотом, просто жутко. Не знаю уж, чего там могло его завлечь. – С этими словами он многозначительно подмигнул.

Сатерленд улыбнулся и принялся за рассказ:

– Ну, значит, ты в правильном месте, Арт, хотя тебя ждут определенные трудности. В этих краях трудно найти место, которое не является болотом. Что касается блуждающего болота на Ноккалтекрор, вероятно, я могу тебе помочь. Как тебе известно, геология всегда была одной из моих любимых дисциплин, а в последнее время я в свободное время как раз занимался изучением подобного феномена. Болото на Шлинанаэр весьма примечательное. Но пока мои исследования неполны, хотя я вскоре рассчитываю получить возможность всерьез углубить и расширить их.

– Каким образом? – поинтересовался я.

– Тут вся сложность во вражде между двумя местными жителями, – ответил он. – Один из них – мой наниматель, Мердок, а другой – его сосед Джойс.

– Да, – перебил его я, – мне кое-что известно об этой истории. Я был здесь в тот вечер, когда Джойсу вручили предписание шерифа, и видел его ссору с Мердоком. Но как это может повлиять на твои исследования?

– А вот как. Это болото частично находится на земле Мердока, а частично – на участке Джойса. А пока я не исследую его в полном объеме, я едва ли смогу прийти к определенным выводам. Вражда между соседями очень жестокая, и ни один не разрешает другому шагу ступить через границу владений – и этот запрет распространяется на людей, связанных так или иначе с соседом-противником. Однако завтра должен осуществиться официальный обмен участками, и тогда я смогу продолжить исследования. Я уже осмотрел ту часть болота, которую контролирует на данный момент Мердок, а после обмена откроется возможность оставаться официально на его территории, но де-факто получить доступ к другой части болота.

– А как Джойс принял свое поражение?

– Очень плохо, что можно понять. По крайней мере, я сужу об этом по наблюдениям со стороны. Говорят, прежде он был жизнерадостным и счастливым человеком, но сейчас это хмурый, угрюмый и ворчливый тип. Он одержим своим горем, подозрительно смотрит на посторонних. В последнее время единственный, кто способен с ним поладить, это его дочь, они все время держатся вместе. Конечно, положение у него трудное. Его ферма почти идеально обустроена для этой части света, там хорошая почва, источник воды, строения, деревья, все ухоженное и удобное как для жизни, так и для сельского хозяйства. А взамен он получает пустой кусок земли нерегулярной формы без построек, частично занятый болотом, а частично каме-

нистым пустырем – причем именно с той стороны и отступало в прошлом болото, оставляя полный хаос.

– А что же делает Мердок?

– Ведет себя довольно постыдным образом. Временами он вызывает у меня сильнейшее раздражение, просто ударить его хочется. Кажется, любой его поступок или высказывание направлены исключительно на то, чтобы разозлить или унижить соседа. Если бы я не заключил с ним договор на определенный срок, ушел бы немедленно. Хотя работа сама по себе очень интересная, и, кроме того, она дает мне ценную возможность изучить этот удивительный феномен – блуждающее болото.

– А в чем заключается твоя работа? Это горные разработки или осушение болота?

Мне показалось, что он смущен вопросом, в ответ сначала последовало лишь «хм» и «м-да», но потом он улыбнулся и сказал:

– Честно говоря, я не имею права рассказывать об этом. Всем известный гомбин, мистер Мердок, включил в договор особый пункт, что во все время моей работы на него мне запрещается информировать о ней кого-либо, кроме заказчика. Он хотел сначала включить в запрет когда-либо вообще рассказывать об этой работе, но тут я наотрез отказался, и он смягчил формулировку.

Я отметил про себя, что загадок вокруг Шлинанаэра становится все больше. А тем временем Дик продолжал:

– Однако я не сомневаюсь, что ты вскоре найдешь здесь объект, способный тебя заинтересовать. Ты ведь занимаешься научными исследованиями, не так ли?

– О нет! – воскликнул я. – Моя покойная двоюродная бабушка позаботилась о том, чтобы я получил серьезное образование, сама выбирала учителей и школу. Но я убедился, что наука – не мое дело. Вообще-то в последнее время я ничем определенным не занимался.

– Как тебе это удастся?

– Ну, я не был совершенно праздным бездельником. Но вот уже почти год, как я вступил в права наследства. Вероятно – по крайней мере, я надеюсь на это, – я в ближайшее время вернусь к работе.

– Уверен – и, конечно, надеюсь на это, друг мой, – серьезно сказал Дик. – Если человек отведает вкус настоящей работы, особенно той, что занимает его разум и воображение, мир становится унылым без такого рода занятий.

– По мне, так унылый тот мир, где нет девчонок, а кое для кого – болот, – проворчал Энди, обернувшись к нам и широко ухмыляясь.

Я рад был отметить, что Дик Сатерленд так погрузился в свои мысли, что не обратил внимания на плоскую шутку возницы.

– Друг мой, как приятно было встретиться с тобой и обнаружить, что мы разделяем интерес к одной теме, – воодушевленно сказал Дик.

Я не мог позволить, чтобы он принял меня за ученого. Он бы вскоре и сам обнаружил, что это не так, тогда мои мотивы предстали бы весьма сомнительными. Я мог подтвердить мнение Энди или дать понять, что имею свои, особые причины для визита. Настаивать на их отсутствии было бы слишком подозрительно, так что я сказал:

– Дорогой Дик, мой интерес к болоту возник совсем недавно. Собственно, он совсем нов для меня, и я нуждаюсь в информации. Дело в том, что я полный профан в данной области, несмотря на искреннее желание узнать о феномене.

– Любого можно назвать профаном в данной области! – ответил Дик. – Ты не поверишь: хотя в стране есть тысячи людей, проявляющих интерес к данной теме, а от нее зависит процветание многих регионов и благополучие значительной части ирландского народа, я не смогу назвать тебе ни одну внятную работу, написанную по данной проблеме. Она вызывает внимание политиков и предпринимателей, но ответа не найдено.

– Не может быть! – удивился я.

– К сожалению, именно так обстоит дело. Есть одно датское исследование, но оно связано с одним небольшим районом. Кое-что можно узнать из «Синей книги», которую издает Международная комиссия по добыче торфа, но все это довольно поверх нос т но. Я искал сведения в различных библиотеках, в разных городах, перебрал массу специальной литературы. Ничего! Я пытался отыскать отдельные главы в общих научных работах. Безуспешно. Представь, насколько неполны наши знания! Вообрази, что в последнем издании «Британской энциклопедии» вообще нет статьи «Болото»!

– Я поражен! – я не нашелся, что еще сказать в ответ на его пылкий монолог.

И пока мы раскачивались и подпрыгивали в экипаже на неровной дороге, Дик Сатерленд кратко, но выразительно описал мне состояние исследований о болотах, сделав особый акцент на ирландских трясиных. Он начал с Джеральда Камбрейского и перешел к доктору Боату, Эдмунду Спенсеру – от первоначального освоения земель, когда стоило воткнуть лопату в грунт, как вокруг нее собиралась вода. Он рассказал мне о природе болот, о попытках их осушения, о надеждах на то, что героические усилия, предпринимаемые правительством в последнее время, помогут сократить площадь гигантского болота Аллен, хотя результаты пока и кажутся малозаметными.

– Необходимо преодолеть давно сложившееся безразличие по отношению к этой проблеме, – заявил он. – Об этом писал еще двести лет назад мистер Кинг: «Мы живем на острове, печально известном своими болотами, но я не помню, чтобы кто-то всерьез попытался справиться с ними».

Мы почти добрались до горы Ноккалтекпор, когда он завершил импровизированную лекцию:

– В идеале мы будем исцелять заболоченные земли и хирургическими, и терапевтическими методами. Мы станем осушать их механическими действиями, создавая своего рода губки, поглощающие воду. И в то же время добавим в них известь, чтобы уничтожить жизненные процессы, их порождающие. Сам по себе ни один из этих методов не может быть признан достаточным, но вместе наука и деятельные практики непременно добьются победы.

– Эй, послушайте, – сказал вдруг Энди восхищенно. – Даже сам дохтур Уайльд, упокой, Господь, его душу, яснее не ухватил бы суть. Молодой джентльмен такой пурфессионал!

Вскоре мы с юга подъехали к западному склону горы, и Энди указал мне на тропу, что вела к двум участкам, а далее наверх к Змеиному перевалу. Сатерленд пошел дальше своей дорогой – к Мердоку, а я двинулся налево, основываясь на советах Энди, все время вверх, к вершине горы, где и находился Змеиный перевал. Несколько минут подъема по крутому склону, а потом вниз по еще более крутой тропе, и я оказался у цели.

Я сразу увидел, что место примечательное, оно идеально подходило в качестве сцены для таинственных историй, в нем было нечто странное и «неправильное». Я стоял в глубокой долине, напоминавшей чашу. Позади остался необычайно крутой травянистый склон – по бокам от меня вверх уходили скалистые уступы, хотя и расположенные чуть более полого. Прямо передо мной находился сам перевал.

Это была расщелина или горловина в массивной каменной стене с той стороны горы, что была обращена к морю и образовывала скалистый мыс. Эта естественная стена, за исключением перевала, поднималась на пятьдесят или шестьдесят футов над небольшой долиной, а по обеим сторонам расщелины скалы напоминали массивные столбы гигантских ворот, не менее двухсот футов каждый. Проход между ними был узким – думаю, около трехсот футов длиной – и расширялся в дальнем конце, словно воронка; со стороны долины его ширина достигала не более сотни футов. Примерно в дальней трети прохода начиналось заметное понижение дороги, как будто специально прорезанное в камне. Дорога устремлялась к морю, лежавшему, насколько я мог судить, примерно на триста футов ниже верхней точки перевала. К северу от

скальных столбов, обрамляющих расщелину и образующих перевал, скальная стена практически полностью скрывала обзор, точно крепость с острыми зубчатыми пиками-башнями – на острове Уайт такие скалы называют иглами. Вероятно, за ней находилась ферма несчастного Джойса, однако я не мог увидеть ее со своей стороны долины. Но даже отсюда я мог вообразить, как удачно расположен на горе его участок и как велика потеря.

Земля Мердока явно отличалась от фермы Джойса. Слова Сатерленда о ее скудности и хаотичности были чистой правдой. Ее юго-западная оконечность спускалась к Змеиному перевалу. Я взобрался на скалы к северу от расщелины, чтобы взглянуть вниз, и был поражен, увидев часть обширной равнины в несколько акров, протянувшейся к северу, а с северной и западной сторон ограниченной каменными грядами, служившими своего рода оградой фермы Джойса. Очевидно, это и были упоминавшиеся в разговорах Поля Утесов.

Картина была поистине прекрасной. Море к западу, серые облака разнообразных форм, мириады крошечных островков – некоторые заросли травой и вереском, там паслись овцы и коровы, другие представляли собой голые скалы, вздымавшиеся из морской пены и населенные стаями птиц, то и дело взлетающими ввысь и издававшими пронзительные крики, нарезавшими круги над островами. Их белые грудки и серые крылья бесконечно мелькали в хороводе над грубыми каменными выступами и длинными атлантическими волнами, разбивавшимися белым руном о скалистые берега и временами покрывавшими округлые валуны по краям. Я подумал, что едва ли в мире можно найти зрелище более величественное и восхитительное.

Голос Энди неприятно диссонировал с моим настроением:

– Черт! Да тут отличный вид, тока одной штуки не хватает.

– И чего же тут не хватает? – с досадой спросил я.

– Да немного болота, чтобы приобнять да полюбовацца, – широко ухмыльнулся он.

Нет, он был неискрупу. Я спрыгнул со скалы и пошел по тропе назад. Мой друг Сатерленд уже ушел к Мердоку, так что я попросил Энди ждать меня у экипажа, а сам пошел следом за приятелем. Через некоторое время мне удалось нагнать его, так как поврежденная нога не давала ему идти быстро. На самом деле я нуждался в его компании, чтобы преодолеть чувство неловкости, хотя я сделал вид, что меня беспокоит его щиколотка. Как легко потаенные эмоции превращают нас в лицемеров!

Поддерживая хромавшего Дика под локоть, я прошел вместе с ним по тропе. Дом Джойса остался слева от нас. Я смотрел в ту сторону в надежде увидеть самого фермера – или его дочь, но ни один из них не появился. Вскоре Дик приостановился и указал мне на блуждающее болото.

– Видишь те два шеста? – спросил он. – Линия между ними обозначает границу между владениями соседей. Мы работали в той части болота, – он указал на удаленную часть к северу, где трясина выглядела особенно грозной и мрачной и изгибалась вокруг травянистого вала или плеча горы.

– Это болото опасно? – поинтересовался я.

– Еще бы! Самое опасное болото, которое я только видел! Не хотел бы я стать свидетелем того, как кто-то решится пересечь его!

– И что случится?

– В любой момент там можно утонуть. Ни человек, ни животное не смогут спастись из трясины.

– Это похоже на зыбучие пески?

– И да и нет. Но болото коварнее. Если хочешь поэтический образ, я мог бы назвать его ковром смерти! Ты видишь сейчас тонкую пленку растительности, словно кожа, покрывающую смесь из гниющих органических материалов, мелкого камня, обломков и частиц разного рода, образующих море постоянно перемещающейся текучей грязи – наполовину жидкой, наполовину твердой, – и глубина этой массы неизвестна. Она способна выдержать определенный вес

за счет немалой плотности, однако различные участки обладают разной плотностью и вязкостью, и неверный шаг... – он замолчал.

– И что тогда?

– Тут все дело в сопротивлении материала и гравитации! Тело внезапно погружается в глубину, воздух выходит из легких, мышцы отвердевают, так что несчастный уходит на значительное расстояние в болото. Затем, дней через девять, когда разложение тканей приводит к выделению газов, тело всплывает на поверхность. Но мало этого, останки смешиваются с гниющей растительностью, которая питает корни живых растений, а иногда, напротив, тело остается надолго в жидкой массе на глубине.

– Этот леденящий кровь ужас поразительным образом объясним с научной точки зрения, – заметил я.

За разговором мы дошли до самых дверей дома Мердока – простого крепкого коттеджа на скальном выступе над равниной. Рядом был разбит сад, окруженный рядом подстриженных ясеней и кривых стволов ольхи. Вероятно, Мердок смотрел в окно гостиной, так как едва мы миновали ворота, он уже появился на пороге. Приветствие его оказалось не слишком ободряющим.

– Что-то вы сегодня припозднились, мистер Сатерленд. Надеюсь, вы не намерены откладывать дела из-за этого незнакомца? Вы ведь знаете, как мне важно, чтобы никто посторонний не был вовлечен в мои дела.

Дик покраснел и, к моему удивлению, ответил довольно резко и горячо:

– Будьте любезны, мистер Мердок! Я не намерен терпеть от вас оскорбления и ли попреки. Естественно, я не ожидаю, что человек вашего круга и положения способен понять чувства джентльмена, но черт побери! – откуда взяться пониманию джентльмена, если и обычного человеческого такта нет! Вам следует хорошенько запомнить то, что я скажу. Я презираю вас, и ваши жалкие тайны, и ваше ничтожные уловки, однако я никогда не нарушал и не нарушаю данного мной слова. Но если со мной пришел друг – а без него я и вовсе не смог бы добраться сюда, поскольку мне трудно ходить, – я ожидаю, что ни его, ни меня здесь никто не станет оскорблять. Иначе я и шагу не ступлю больше на эту грязную землю!

Мердок перебил его:

– Вы заключили соглашение! Поставили подпись под договором, и документ у меня.

– Вам, мерзкий склочник, стоит запомнить накрепко: я не нарушаю данное слово, но требую достойного обращения. И если мне понадобится помощник, я вправе его пригласить.

Мердок заговорил с меньшей дерзостью:

– Да разве я отказываюсь вам помочь? Разве я сам не смогу послужить вам помощником?

– Вам кое-что нужно, и без меня вы это не получите, – ответил Сатерленд. – Не забывайте об этом! Я вам нужен. Но помощника я выберу себе сам, и вы на эту роль не годитесь. Я согласен оставаться здесь, и вы должны платить за мою работу, но не думайте, что я не смог бы провести вас, если бы захотел.

– Вы этого не сделаете, я знаю... И я доверился вам!

– Вы мне доверились? Да, если речь идет о договоре. За его границами я вам ничего не должен.

– Мистер Сатерленд, сэр! Вы слишком резко говорите со мной. Я рад видеть вашего друга. Делайте, что сочтете нужным, – идите, куда захотите, приводите любого помощника – только исполняйте свою работу и храните тайну.

– Именно так, – фыркнул Дик. – Хотите получить результат, считайтесь с обстоятельствами. И вы отлично знаете: сегодня – последний день работы по эту сторону горы. Вы руководствуетесь только своей жадностью, так подумайте о том, что мы с вами делаем все возможное, чтобы охватить всю территорию. И я ни слова не сказал моему другу о том, что это за работа. А после вашего оскорбительного поведения сомневаюсь, что он будет принимать вас

всерьез. Однако он мой друг и умный человек. И если вы вежливо попросите его, возможно, он проявит любезность и согласится остаться и протянуть нам руку помощи.

Мердок вынужден был поклониться и в пристойных выражениях просить меня уделить время и помочь им в работе. Нет нужды говорить, что я согласился. Он пристально вглядывался в мое лицо, явно пытаясь вспомнить, где и когда видел меня прежде, но я принял вид полнейшей неосведомленности, и он, видимо, смирился с этим, удовлетворившись молчанием. Я с тайным злорадством отметил, что следы от удара Джойса все еще видны – шрам от хлыста пересекал физиономию ростовщика. Затем он ушел, оставив нас с Сатерлендом заниматься делами.

– Порой надо взнудать гончую покрепче, – заявил Дик, когда Мердок ушел, отчаянно спутав в своей метафоре лошадь с охотничьей собакой.

Затем Дик рассказал, что работа его состояла в экспериментах с магнитами и поисками металла в земле.

– Суть в том, что это идея Мердока – и мне не совсем понятно, что он ищет. Мое дело – просто исполнять его замысел, используя свои технические знания и навыки в механике. Я придумываю, как использовать приборы, как осуществлять замеры. Если то или иное его предложение слишком фантастично или ошибочно, я ему это пытаюсь втолковать, но он иногда упирается и продолжает бессмысленные попытки, хотя иногда прислушивается к моим словам. Вообрази этого низкого типа! Он еще и чудовищно подозрителен и упрям! Мы с ним работаем уже три недели, прошли всю твердую часть участка, остается только заболоченная территория.

– А как ты с ним встретился? – спросил я.

– Месяц назад он обратился ко мне в Дублине, его направил один давний мой знакомый из Научного колледжа. Его интересовало, возможен ли поиск железа на принадлежавшем ему участке земли. Я спросил: он ищет месторождение для разработки? Он ответил отрицательно, якобы ему нужно найти старое железо под поверхностью. Предложенные им условия были весьма выгодными, так что я пришел к выводу, что мотивы у него сильные. Он так ничего определенного и не сказал, но теперь я знаю, что он пытается разыскать деньги, потерянные в этих краях и, вероятно, закопанные на горе французами после экспедиции на Киллалу.

– А как ты действуешь?

– О, это очень просто. Просто я перемещаю по земле сильный магнит – важно лишь двигаться последовательно и систематически.

– И тебе удалось что-то найти?

– Только всякий старый хлам: конские подковы, гвозди, скобки. Самое существенное – железный обод от колеса. Этот гомбин, как его зовут местные жители, в тот раз обрадовался, думал, мы у цели! – Дик рассмеялся.

– А как ты намерен справиться с болотом?

– Это самая сложная часть работы. У нас есть шесты по обеим сторонам трясины. Можно зафиксировать магнит, подвесив его на колесе, а я протяну блок из стороны в сторону. Если в болоте есть железный объект, я почувствую натяжение веревки.

– Похоже на ловлю рыбы, – заметил я.

– Точно!

Вернулся Мердок. Он заявил, что готов к работе. Мы с Сатерлендом пошли на дальний край болота, а Мердок остался с противоположного конца трясины. Мы установили короткие шесты на твердых участках, как можно ближе к болоту, а затем закрепили на них оттяжки для троса. Мердок сделал то же самое со своей стороны. После этого натянули тонкую проволоку между шестами, проходящую через блок-колесо; на этом тросе должен был передвигаться, по замыслу Сатерленда, магнит. Затем мы ослабили трос так, чтобы магнит провис и почти касался заболоченной поверхности. Немного попрактиковавшись, я понял общие принципы

работы и смог уверенно управлять движением магнита. Дюйм за дюймом, мы проверяли всю территорию, медленно проходя на юго-запад и следуя абрису болота. Время от времени Дик уточнял направление и угол наклона, чтобы как можно полнее обследовать всю поверхность, а потом возвращался к исходной точке, чтобы начать заново на следующем отрезке.

Процесс был весьма утомительный, и день подошел к концу, когда мы перенесли шесты к последнему участку – границе между владениями соседей. Несколько раз в течение дня Джойс выходил из своего коттеджа и наблюдал за нашими действиями. Он пристально смотрел на меня, но, казалось, не узнавал. Один раз я кивнул ему, но он не ответил на мое приветствие, и я не стал повторять попытки.

Ни разу за весь день я не услышал нежный голос его дочери. Вечером, после долгих часов безрезультатного труда, мы отправились назад, в Карнаклиф. Заметно похолодало, и закат был не столь живописен, как накануне. Последнее, что я услышал, покидая гору, это слова Мердока:

– Завтра никаких дел, мистер Сатерленд! Мне нужно будет заняться кое-чем другим, но я заплачу вам за этот день, как за все остальные. Я соблюдаю договор в точности. И не забывайте, сэр, нам больше не надо поспешать с работенкой, так что помощник вам впредь не потребуется.

Энди молчал на обратном пути, пока мы не отъехали достаточно далеко от горы, а затем мрачно заметил:

– Боюсь, денек у вас не задался. Вид у вас такой, точно никакого болота нынче не углядели вовсе. Повеселее шагай, кобылка! Джинтменам надо скорее домой, завтра стока работы на болотах!

Глава V

На горе Нокнакар

После ужина мы с Сатерлендом снова заговорили о болотах, вернувшись к теме, которую обсуждали с утра. Инициатива исходила от меня – в основном потому, что мне хотелось избежать упоминания о местных жителях, обстоятельствах прошлого моего визита и обитателях фермы на Ноккалтекоре. После довольно любопытных замечаний о природе явления Дик сказал:

– Мне хотелось бы кое-что исследовать тщательнее в связи с этим болотом и особыми геологическими образованиями.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я.

– Меня интересует известняк. В этой части страны осуществить исследования не проще, чем ловить змей в Исландии.

– А в этих краях вообще есть известняк? – уточнил я.

– О да, во множестве мест, но здесь мне пока не удалось найти его. Я говорю «пока» совершенно преднамеренно, потому что убежден: где-то на Ноккалтекоре он должен быть.

Естественно, такой поворот разговора меня порадовал, давая новый повод вернуться в манившее меня место, а Дик тем временем продолжал:

– Основная черта геологических образований в этой части страны – обильное присутствие сланца и гранита как в виде изолированных пластов, так и в сочетании. В подобных местах просто обязан быть известняк, так что я не теряю надежду найти его и подтвердить факт неперменного сочетания этих горных пород.

– И где ты будешь искать известняк? – спросил я, втайне уповая на то, что друг приведет меня снова к Шлинанаэру, и я смогу оказаться там как бы не по собственной воле.

– Ну, один из вариантов – река Корриб, вытекающая из озера Лох-Корриб и направляющаяся к заливу Гэлоуэй. Именно на этой реке стоит город Гэлоуэй. На одном участке берега присутствует гранит, на другом – известняк. Я полагаю, что русло протекает как раз по границе залежей этих пород. Если мы найдем нечто подобное здесь, на Ноккалтекоре, хотя бы в малой форме, это будет настоящим открытием.

– Что же в этом такого особенного?

– Потому что известь здесь не добывают, хотя при наличии своего известняка можно было бы решить массу проблем, которые сегодня требуют изрядных дополнительных усилий. Если найти тут известняк, можно взяться за осушение болот – да вообще предприятие по выработке извести стало бы в этих краях настоящим кладом. Можно было бы строить стены из известняка, оборудовать небольшую гавань по соседству, потратив совсем малые средства. А сверх того – появился бы серьезный шанс узнать причину перемещения болота, сегодня остающуюся загадкой. Может быть, мы смогли бы даже остановить процесс «блуждания» топей.

– Поразительно! – сказал я, придвигая стул ближе; меня и вправду захватила нарисованная им перспектива, а все иные мысли в тот момент покинули меня. – Расскажи подробнее обо всем этом, Дик. Ты ведь не бросишь замысел на полпути?

– Ни за что на свете. Такое удовольствие – встретить заинтересованного слушателя! Начнем сначала. Мое внимание привлек старый провал на вершине горы. Он выглядит крайне странно и необычно. Если бы он находился в другом месте, скажем, в районе вулканической активности, это было бы заурядным явлением. Но здесь никаких очевидных причин для его появления нет. Очевидно, некогда там было озеро.

– Так говорит легенда. Полагаю, ты ее слышал.

– Да, конечно. И она подтверждает мою теорию. Обычно легенды основываются на каких-то фактах, и какова бы ни была причина зарождения мифа о святом Патрике и Змеином Короле, легенда сохраняет память о реальном обстоятельстве – в отдаленные времена на вершине горы было озеро или иной водоем.

– Ты уверен?

– При беглом осмотре я пришел именно к такому заключению. У меня не было возможности провести серьезное исследование, так как старый волк, с которым я связался, проявлял нетерпение и не давал отвлечься от идиотской погони за сокровищем в сундуке. Однако я заметил достаточно, чтобы сделать основательный вывод о таком озере.

– Но ты рассчитываешь на то, что ситуация изменится? И как это связано с поисками известняка?

– Все просто. Озеро или водоем на вершине горы означает, что тут существуют подземные источники. Вода, протекающая сквозь пласты гранита или твердого сланца, не может размывать его, зато известняк легко поддается ее действию. Более того, природа этих горных пород сильно различается. В известняке множество трещин, в отличие от гранита или сланца. Как я полагаю, водоем на горе в свое время питался подземными источниками, проходившими сквозь пласты известняка, но постепенно мягкий камень размывался водой, и потоки ушли в другом направлении – или трещины стали слишком велики, и озеро иссякло, или образовался новый канал между известняком и твердой породой.

– А затем?

– Затем процесс этот легко понять. Вода устремляется в сторону наименьшего сопротивления, прокладывает себе путь к нижним уровням от вершины. Возможно, ты заметил странную форму горы – особенно на западном склоне: каскад крупных каменных плит внезапно заканчивается сплошной стеной с зазубренным краем, которая резко уходит к наклонной равнине. Ты не мог пропустить этот вид, кажется, что его вырезали наскоро пилой! Если вода больше не скапливается на вершине, чтобы ниспадать в старые каналы – они бы бросались в глаза, а находит иные пути к этим «полкам», она должна заполнять пустоты между пластами горных пород, пока не сможет вырваться наружу. Как нам известно, на многих участках горы образовались болота, то есть вода собирается в неких карманах и не только пропитывает почву в глубине, но и проступает к поверхности, ведь ее плотность намного меньше, чем у камня или песка. В итоге возникают трясины – измельченная порода плывет. Все это дает основание для вывода, что болота неизбежно становятся все более мягкими и жидкими, они по-настоящему опасны, как тот «ковёр смерти», о котором мы говорили утром.

– Да, теперь многое становится понятно, – кивнул я. – Но, если так, почему болото блуждает? Оно ведь и вправду перемещается, не так ли? Разве оно не ограничено размерами каменного ложа? И тогда оно не должно никуда сдвигаться...

Сатерленд улыбнулся:

– Вижу, ты ухватил самую суть! Теперь перейдем к следующей стадии. Когда мы ехали вдоль горы, обратил ли ты внимание на то, что дно и берега реки покрыты слоем глины?

– Конечно! А это тоже имеет значение?

– Без сомнения! Если моя теория верна, именно с глиной связано блуждание болота.

– Объясни!

– Непременно, в меру моего собственного понимания. Здесь я вступаю на зыбкую почву предположений и догадок, хотя гипотеза моя проста и ясна. Я могу ошибаться, а могу оказаться прав – мне следует узнать больше, прежде чем я разгадаю загадку Шлинанэра. Моя идея состоит в том, что изменения глиняного ложа в результате дождей, постепенно смывающих его к нижним уровням горы, приводят к серьезным переменам в целом. Кстати, глина на берегах напротив Змеиного перевала может служить доказательством. Скалы прочны, а глина заполняет пространство между ними, в нее попадают упавшие в расщелины деревья. Затем

вездесущая вода подземных источников начинает искать выход наружу; она не может прорезать скалу, поэтому скапливается в мягкой породе, и уровень ее постепенно поднимается, пока не достигает слоя глины, – он либо блокирует ее, либо дает проход за счет разрывов и трещин. В любом случае формируется постоянно углубляющийся канал, мягкая глина мало-помалу уступает натиску потока, и вода скапливается в новых резервуарах. После чего процесс повторяется снова и снова.

– За счет этого растет болото? С одной стороны оно может пересыхать, а с другой расширяться, создавая эффект перемещения? – понял, наконец, я.

– Именно так! Многое зависит от толщины слоев. Может образоваться два или даже несколько резервуаров, каждый со своим глубоким дном. Они могут быть связаны между собой только у поверхности. А если глиняное ложеросло на сплошном массиве твердой горной породы, вода дойдет до нижнего уровня и остановится – так что топь будет мелкой.

Я задумался, а потом решил уточнить:

– В таком случае должно происходить одно из двух: либо вода быстро унесет всю глину, и образовавшаяся трясина не будет опасной, либо процесс будет постепенным и приведет к катастрофическим результатам, о которых ты сейчас и говорил. Расположение болота может меняться, но какого-то серьезного хаоса или переворота масс происходить не должно. А про это болото на горе Ноккалтекрор рассказывают просто невероятные вещи...

– Проблема в том, что мое предположение описывает только стандартную, базовую картину, некую общую модель. Но возникает множество дополнительных обстоятельств и целый ряд других соображений, каждое из которых позволяет представить иное развитие процесса. Допустим, например, что вода нашла естественные пути: скажем, из этого болота она вытекает потоком через обломки скал на Полях Утесов. Тогда она не будет вымывать глиняное ложе, так как давление ее окажется слабым. А потом внезапно возникнет дополнительное давление – вода не сможет пробиться наверх и спокойно вытекать поверх глины. Тогда она станет искать малые трещины и размывать их, чтобы уйти вниз. А теперь вообразим, что под слоем глины таится несколько резервуаров воды, как я ранее говорил, – а, судя по наблюдениям за этой местностью, их там и есть несколько. Если барьер между двумя такими верхними резервуарами ослабнет, а вес воды резко возрастет, стена между ними может сломаться. Предположим, что стенка эта частично обрушилась на глинистый берег, который служит временным барьером для воды, но только временным. Предположим, быстрое накопление воды за этим барьером приводит к стремительному повышению ее уровня – а вместе с ней поднимается и уровень заболоченной смеси разных материалов. Достигнут критический уровень – и размокший, слабый барьер не выдерживает нарастающей тяжести, и поток быстро пополняет нижнюю часть болота, вынуждая его двигаться дальше по скальному дну, на котором покоилась прежде губчатая, вязкая масса трясины. Расширение общей территории болота сопровождается разжижением его состава, оно становится менее плотным и значительно более текучим и подвижным. Такая трясина легче поглощает случайно попавшие в нее объекты, более опасна и непредсказуема, хотя снаружи это может быть не слишком заметно. Мелкие камни, твердые предметы, которые прежде были равномерно распределены в трясине, теперь погружаются на дно, а верхние слои от этого становятся еще более топкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.